

Литературно-художественное издание

ДМИТРИЙ ОБРАЗЦОВ

СКАЗАНИЕ КУЛИКОВСКОЕ

ХУДОЖНИК — ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ ЕЛЕНА

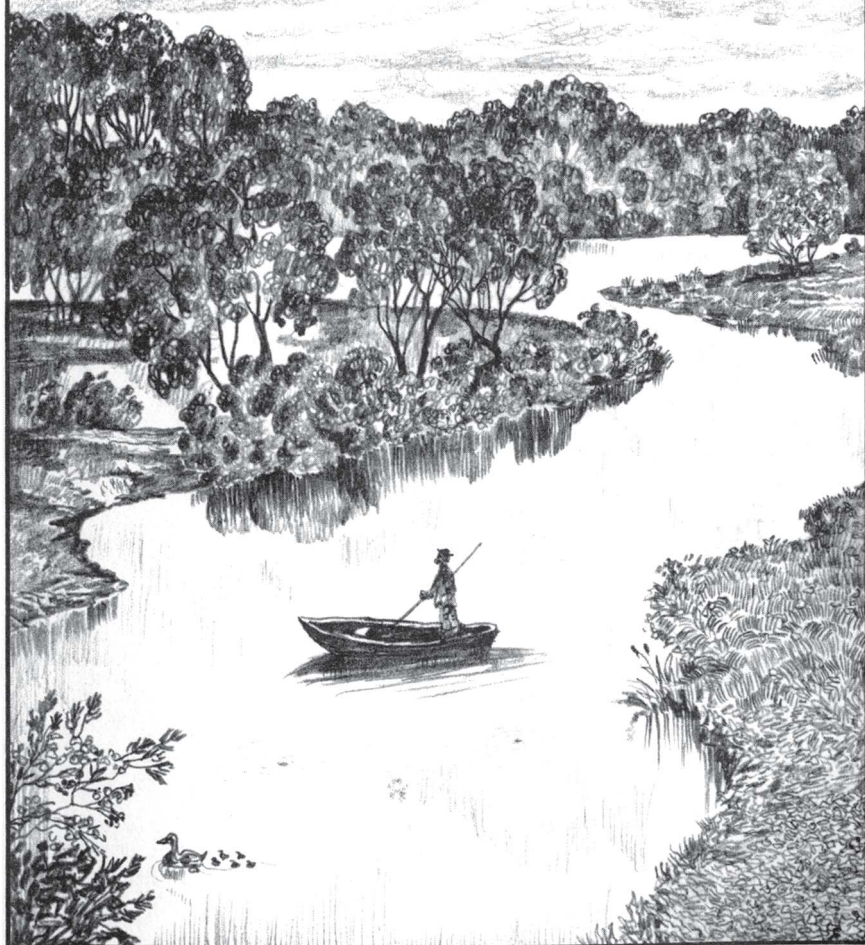
Оригинал-макет подготовлен к печати
издательством «Лепта-пресс»

© Д. Образцов, 2001
© Д. Образцов, иллюстрации, оформление 2001
© «Лепта-пресс», оригинал-макет, 2001

Тираж 5000 экз.
Издаётся при поддержке Фонда поддержки
развития общества «Наши Дети»
Тел.: +7 (495) 781-37-09

Типография «Московский Печатный Двор»
107023, г. Москва, Семеновский переулок, дом.15
Ролевая и листовая офсетная печать.
8-916-343-74-12
bili-c@yandex.ru

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
АРХИЕПИСКОПА
УЛЬЯНОВСКОГО И МЕЛЕКЕССКОГО
ПРОКЛА

ДМИТРИЙ ОБРАЗЦОВ

**С К А З А Н И Е
КУДИКОВСКОЕ**

2011

тобы публике почтенной
нас читать в истоме ленной,
Персонажи этой сказки,
ждут вступительной огласки.

(Потому — не всякий падох до вопросов и отгадок,
Но любому нет труда — иногда смотреть сюда).

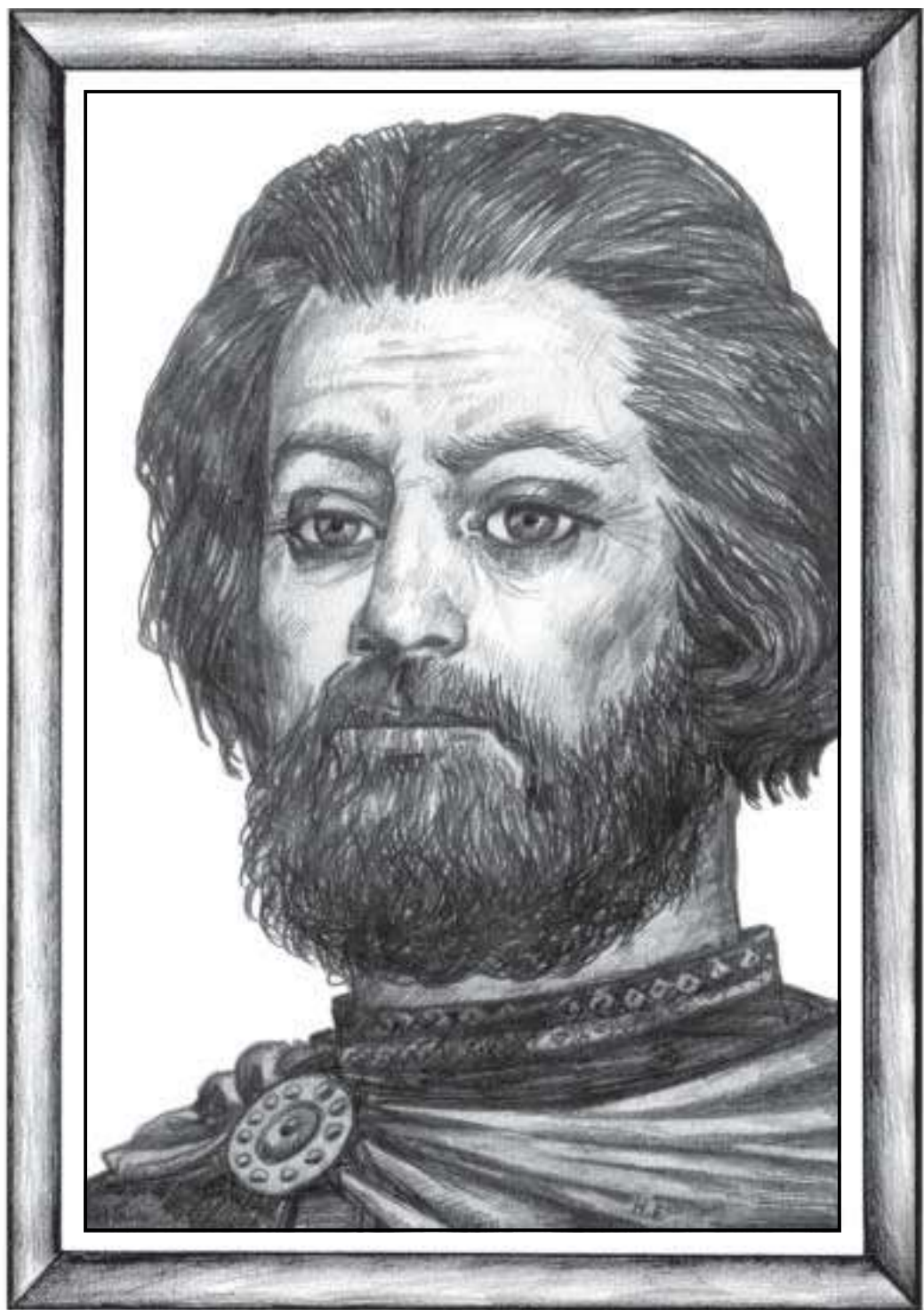
Вот Вам Димитрий Иванович,
князь Московский — человек храбрый и ловкий.

Плотен телом, славен делом, душою чист,
мыслью быстр, сердцем отходчив.

Кремель камнем упрочив, да хозяйство
подняв, крепнет день ото дня в решительном
мнении об Руси объединении.

И, доказывая свою правоту, то эту волость
объединит, то ту: в соответствии с эпохи той
нравами сильные всегда были правыми, а по
добру не всегда выходило.

Время всех рассудило.

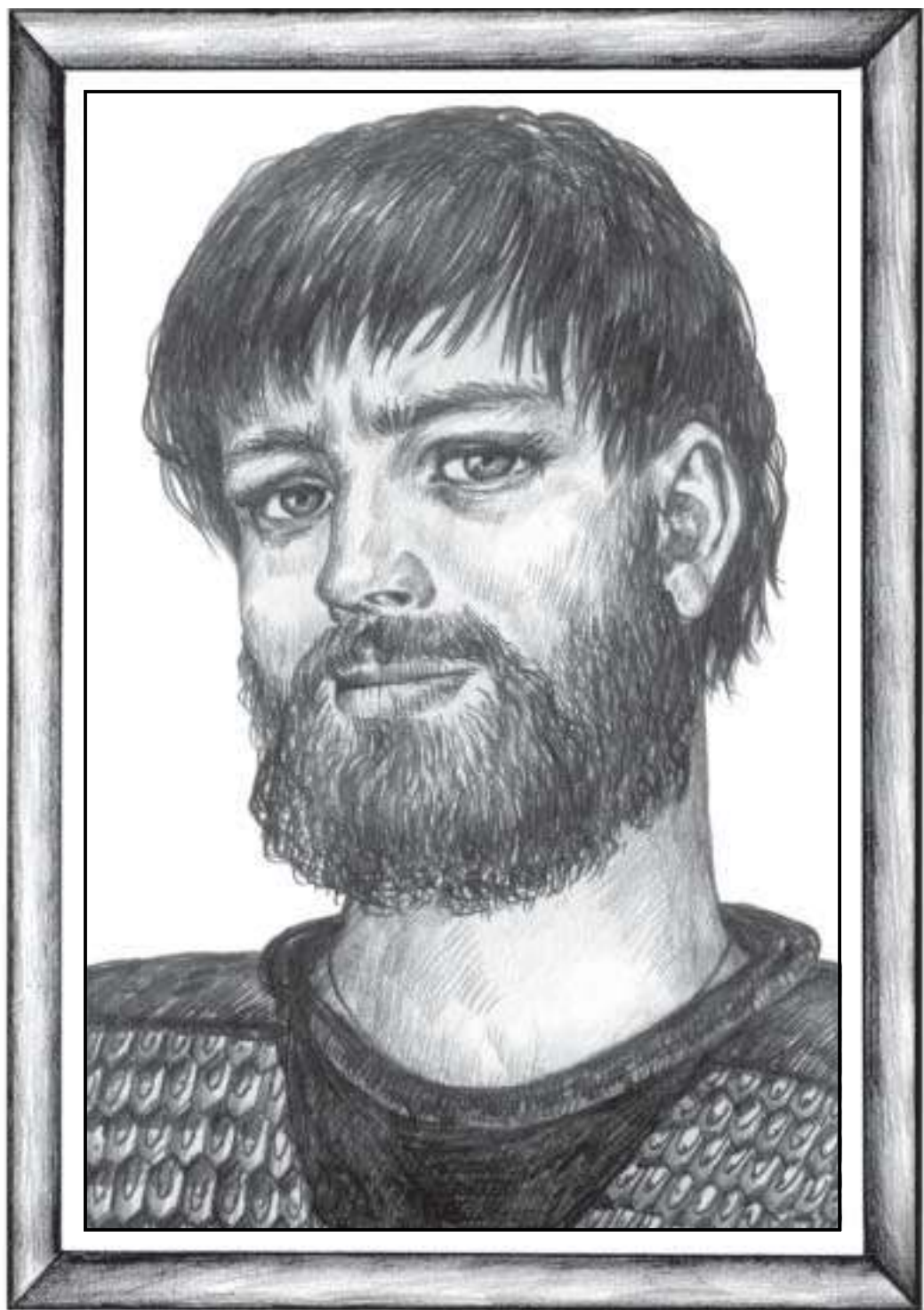

А **ВОТ** **Володимер** **Андреевич**
Серпуховской, брат евойный. Следил за Окой и прочими рубежами, границами и межами. Какие козни враги ни плетут — Володимер с дружиною тут как тут. Свой ли вредит, у чужих ли зудит — порядок наведёт, всех победит. Вот такой у Дмитрия братка. Извиняюсь, что кратко.

А и жил-то недолго. Зато честно и с мерой долга перед страной, не то что ныне иной.

Научитесь, пора ведь: что плохо лежит — подправить, а не под речи туманны — себе да в карманы, и будто не видно.

Перед предками стыдно! Ин, давно князь Владимир на Руси уже вымер. Жаль, что ни скажи — всё не те типажи.

Олег, например, рязанской земли князь.
Вот точно уж — не порвалась связующая нить.
Образ гнилой, да не может догнать.

Такое творил на истории сцене — до сих пор
не оценен, дюже сущность крива. Подбирают
слова учёные лица, чтобы определиться. А исход-
то вестим:

всё едино простим!

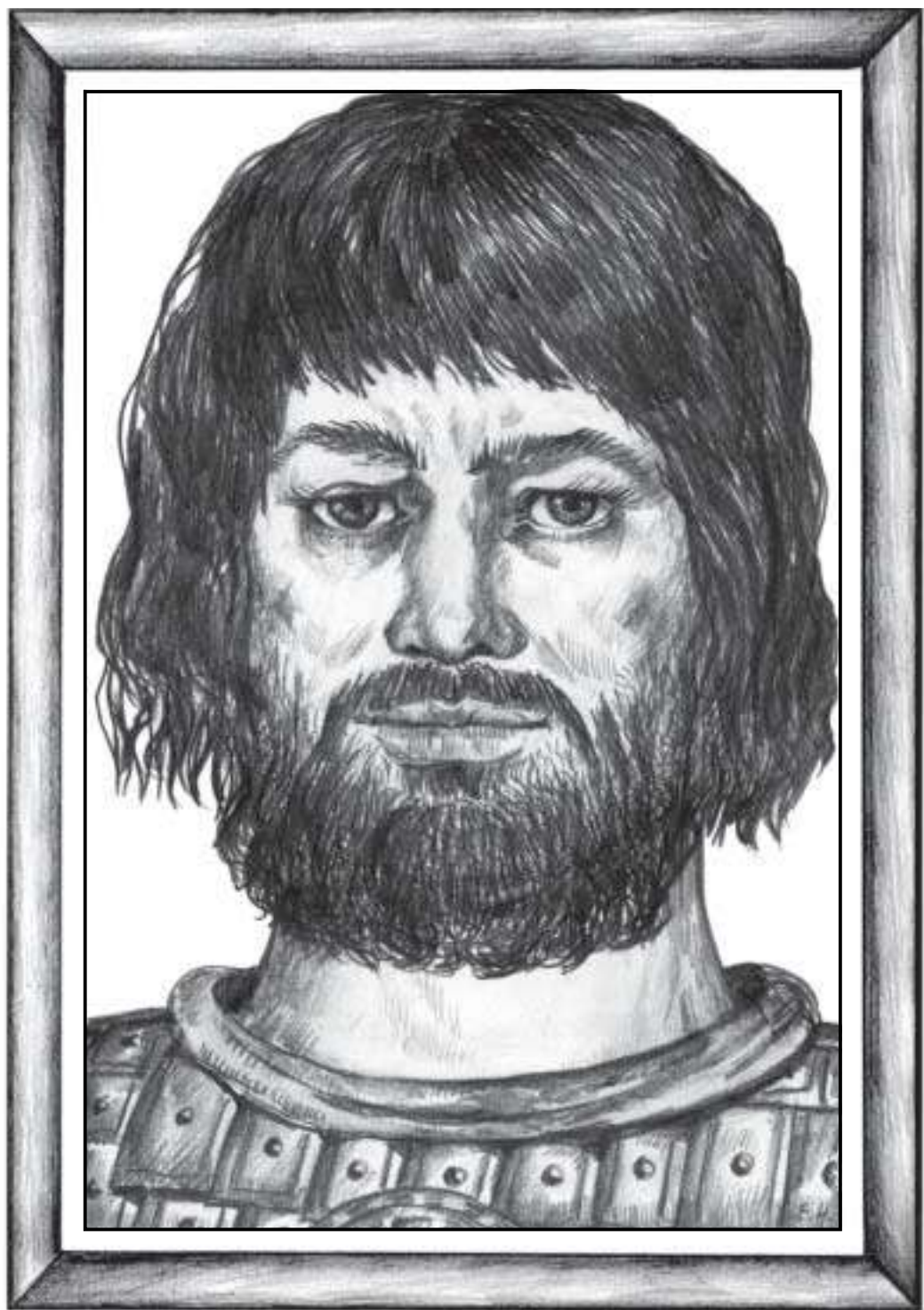

Воевода Боброк — в Москве из Волыни.

Чужбина горше полыни — скажут не про него. Здесь он — за своего. От Коряты литовского к русскому Ване ушёл хоть и с понижением в звании, да и начхал на понижение. Почёт и уважение дороже положения — деньгами не взять-прикупить: разденут, как пить, станут хвалить — соловьями зальются, да вослед посмеются.

Русь-то матушка примет не за громкое имя, не за кровь чисту, не за бороду густу, не за брань во рту и не по паспорту — а за дух, да за совесть. И хоть извейся лисой весь, ничто боле не в прок!

Здравым будь, Боброк! Сколь по свету кружился — нигде не ужился. А Руси, без спору, пришёлся в пору.

Мамай. В Орде начинал своего рода комбригом — управлял туменом. Из-за тяги к изменам да интригам (по большей части), дорвался до власти. В пору смутных времён оказался умён в юридической части, кое-что подписал — и на тебе, здрасьте! — был у хана вассал, теперь сам хан и есть!

Жадность, хитрость и лесть — его ноги и руки. В нём душевные муки — в гортани, а не у сердца. Словно тайная дверца, душа его замкнута, спрятана. Совесть латана-перелатана. Откудова взялся и где опочил — сомнение то ещё!

Славен лишь тем, что под зад получил во время побоища.

Егаил, он же Ягаило — представитель Литвы. Общество его хаяло. Скажем прямо — увь! — вёл себя дешёво, в целом нескладно. Баят — не трожь его, пахнет — и ладно. Вглядишься — уж больно знакомо лекало: должность главкома, повадки шакала, обличие лисье с примесью мыши. Призвание и миссия дадены выше.

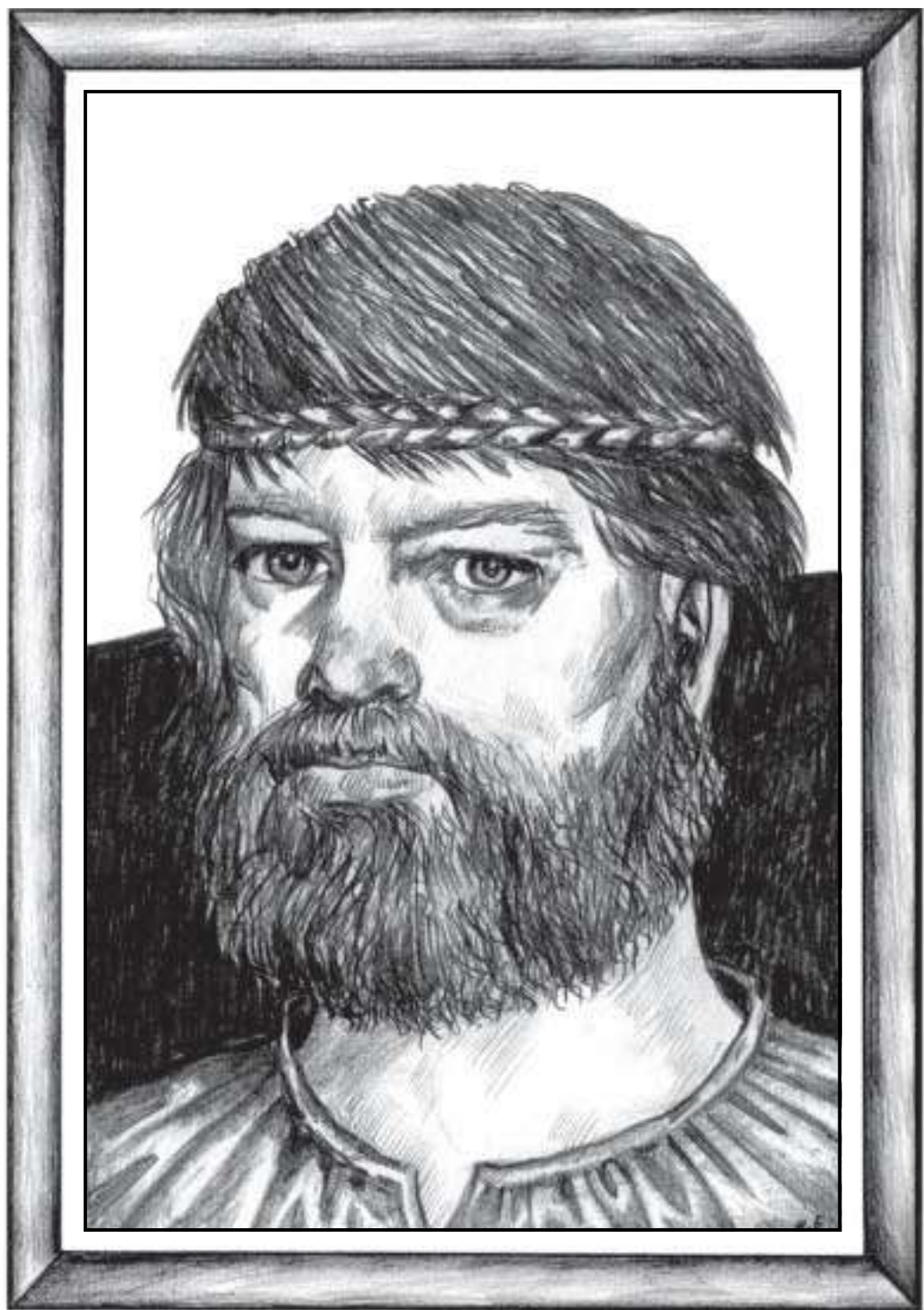
Щелкан — ордынский мурза. Заходил с туза — оставался с шестёркой, ел арбуз вместе с коркой — да водой запивал, в мелочах мухлевал — и то попадался! Немец так настрадался — руки бы на себя наложил. А Щелкан жил да жил. Здесь могли б и упечь его, причём враз! Более сказать об нём нечего.

Об других — пара фраз.

Данила — князь удельный. Толковый да дельный. Много тянул на собственной шее.

Прок — хлебушек сеял, да землю пахал.

Фрол — кулаками махал туда-сюда — ратного, стало быть, труда.

Глеб, тот — как когда: кому где подсобить, там и Глебу быть. И уж как его ни мотало, а на жись хватало — много на Руси разных дел.

Антошка — на месте сидел. Чего князь решит — записать спешит: подробности, даты... Жаль, делось куда-то. То ли сгнило-отсырело, то ль в пожаре сгорело.

Знать, не всем душу грело.

У всякой Истории — свой **Заказчик**. Чего двинет вперёд, что совсем уберёт...

Опять же — **Рассказчик**. Тоже разный встречается. Один, наперёд видно, что врёт — а головой ручается. Разойдётся — аж сам себе верит, языком вёрсты мерит, глазами стены буравит. Но раз кто поправит, уж будьте готовы — обидится, что вы!

А тот — мал костерок запалит, ан не врёт, не юлит, не хвалит, не хулит — напрямки говорит, ровно пламень горит. Складно, как по щучьему велению — от, значит, вступления, да покудова поленья не сгорели, так и льёт свои трели.

Он-то боле нам нравится, доброго ему здравьица! У него от натуги язык не корявится. У него, всем бы эдак, слово слову впоследствии без заминки кладётся.

Ну, а мы — как придётся. Хоть каким-нибудь краем, ан своё привираем. Да и пусть!

Слухай всяк, коль рассказчик не иссяк. Где поверишь — держи рот открыт, где не веришь — наперекосяк! Кто заснёт — с тех пятак, кто дослушает — рупь им!

Итак, помолясь, приступим.

Кремоль каменный в Москве — девять башенок.
Был дубовый, да сгорел — вспомнить страшно!
А на новом всё притёрто, приглажено.
Не видать тебе Москвы, злая вражина!

Есть покуда и умельцы рукастые,
И здоровые бойцы кулакастые.
Есть и слабости, но это неважно.
Всё не взять тебе Москвы, злая вражина!

Ведь течёт по жилам кровь — не водица. И
Будни славные у нас, и традиции.
Кони резвы, как ветра ураганные!
Не тебе над нами стать, степь поганая!

Не тебе нам в душу лезть,
Не тебе нам беды несть,
А тебе, по чести — честь,
Путь туда, откель ты есть!

Сколь по-злому ни гости — могут выбросить.
У земли чужой — и силы не выпросить,
И плоды лесные морят начинкою,
И вода в ручье — чужая, с горчинкою,

А ходить-то ты с опаской стараешься —
Ветка хрустнет под ногой — озираешься.
Убоишься доверять тропкам узеньким.
Жить тюремщику тюрьмою да узником.

Жить тюремщику саму под своей пятой,
Подле двери вековать, им же запертой.
Караулить — не сбежать кто пытается?
Ждать, покудова острог расшатается.

Сколь вы тут ни вытворяли-сумбурили,
Буйны ветры заметут, грянут бури ли —
И уйдешь ты восвоясь, успокоился
Со следом от сапога ниже пояса.

Со следом от сапога да тяжёлого,
Как шакал — поджавши зад, пряча голову,
Шкуру в клочья изорвёшь, хвост опалится.
А и кто же по тебе опечалится?

Иль найдёшь, куда бежать плакать-жалиться?
Что на зле возведено — всё развалится,
Всё порушат, отберут первы встречные.
А Москве стоять в миру веки вечные!

Всё Москва сама собой похваляется,
Но лиха беда и ей ухмыляется —
От лачуги черновой до резных хором
Даже спит Москва и то — полуприщуром.

Расцветать — не увядать.
Ну а ежели наподдать,
Или ежели в осаде, скажем
Год поголодать?

Враг уж больно боевой,
Хучь на ноги и кривой.
Не успеешь обернуться —
Сей же миг сравнит с травой!

А наглеет ноне всякий —
Окромя монгол — поляки,
И литвины, и немчин —
Почитай, со всех бочин!

Призадуматься — труба ведь!
Да к тому бери на ум —
И свои ишо добавить
Норовят под общий шум.

С кем Москва не на ножах?
Все границы в сторожах!
И живёт как на иголках,
Но и прёт, как на дрожжах.

Шире в кости, выше в росте,
Зубы, мощные от злости,
Жилы крепче от нату́г,
Всё ровнее сердца стук.

Перед тем, как развернуться,
Русь отведала сполна!
Предложу Вам окунуться
В те лихие времена.

Боже добрый, ниспошли нам,
Вторя сказкам и былинам,
От веков далёких впредь
Стародавнее узреть...

Не отвечу, в каком годе —
Миновало только, вроде,
Лет почти четыре ста,
Как узнала Русь Христа.

В этот год: Москва, погожий
Летний вечер. Княжий двор.
Чьи-то рожи под рогожей,
Надоевший детский ор

Жалом жалит, аки розга,
По любому месту мозга.
Знать, на горе мужичонкам,
Чёрт пронёсся по бочонкам.

Меж лохматых меж голов,
Меж неубранных столов,
Вроде как бы между делом,
Но со вздохом между слов

Сидел Донской, удручён тоской.
Напролёт сидел весь день деньской.
Очи мутные, мысли путая —
Мол, и тута я и не тута я.

Ум не думает — иступляется,
Ум за думушки не цепляется,
Ни за все гуртом, ни за каждую.
Ан, поймал! При том — дюже важную!

Вот и кличет он бояр да дружинничков
На весёлый пир, на собраниице.
Он рассаживает их всё по-умному,
Честь по чести было чтоб, по традиции:

В первую голову — знать толстопузая,
Во второй черёд — богатырчики,
В третью очередь — купцы бородатые,
Гости разные чудные, заморские.

Во главе стола — место княжее.
Лишь княгинин стул незаполненный.
А княгиню саму вон отправил князь:
Кто не может пить — неча пьянствовать!

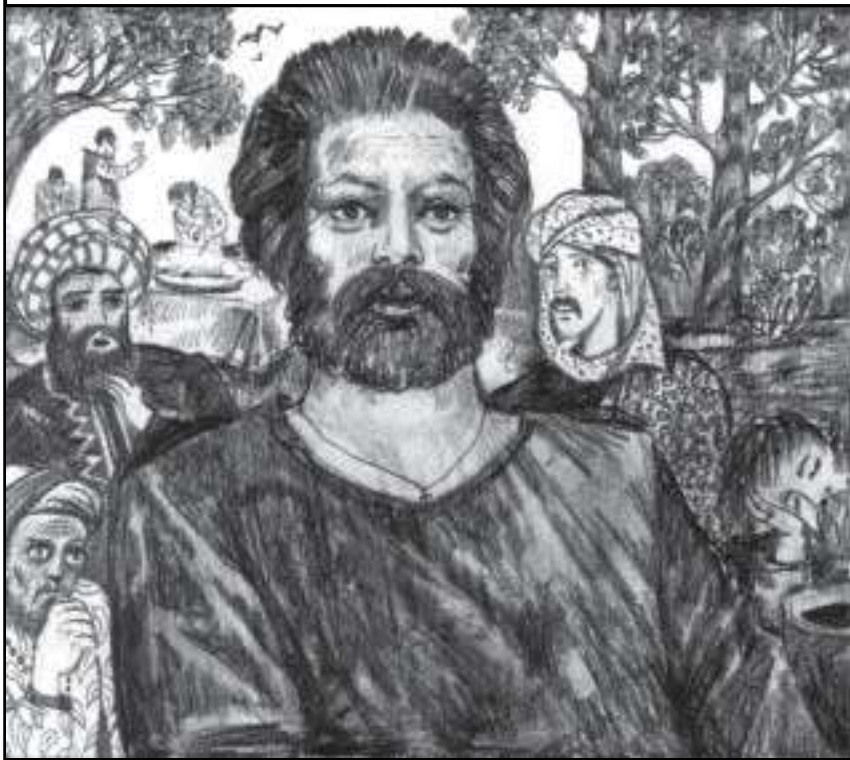
Поднял руку Димитрий сильную,
Постучал перстеньком да по баночке.
А как гости все порасселись,
Успокоились да прислушались,

Тут и сказочка начинается,
Тут и много чего вспоминается...

Дмитрий:

Ой же, гости дорогия,
Коль физически моги я,
Обойдясь без пышных фраз,
Я бы обнял всех вас враз!

Выражаясь иноречью,
От меня за эту встречу
Ну такое всем мерси,
Что аж прямо гой еси!

Мы собрались здесь не просто.
И сейчас, заместо тоста
Я хочу до Вас довести
Потрясающую весть!

Плод великих рассуждений,
Выбор нового пути...

Бояре: Ты, конечно, Митрий — гений,
Но традицию — почти!

От влияний новомодных
Хоть пиры убереги,
И обычаев народных
Переделать не моги!

Мы тебе перечим редко,
А у русских у родов
Первый тост всегда — за предков,
За исконников-дедов!

Дмитрий: Ладно, братцы, спору нету,
Исправляюсь сей же миг!
Так осушим чарку эту
Мы за пращуров своих.

За таких, какие сроду
Мяли вражьи черепа.
Это щас мы — куча сброду,
Не раздавим и клопа.

Всё зачало, отупело
И внизу, и наверху.
Чую, время подоспело
Разобраться — кто есть ху!

Боброк: Разберёмся — знамо дело!
Все допили? Ну так вот!
Князь сказал, что все мы — сброд!
Как кого, меня заело!

Думал, ежели глава,
Всё позволим? Чёрта с два!
Так пущай он, княжья морда,
Отвечает за слова!

Гости: Он — хозяин, мы здесь — гости,
Ну, зачем же столько злости..?

Дмитрий: Коли хочешь — вона, дверь!

Боброк: И уйду!

Гости: Да ладно, бросьте!

Пир ещё не начался,
А уж вона — два гуся!
Ну-ко, быстро по стакану,
Обнялись — и ссора вся!

Говорят — два гуся?
Скажу — два барана, и то странно —
Вроде ссориться-т рано:
Ишо и в рот не брали — почитай, при морали, а
вон, глядишь-ты, уже поорали!

Не пошла бы ссора подальше ора. А то —
один здоров, да другой — плечистый. Закружит
нечистый...

Благо, народ, не прибитый робостью.
Отнеслись со всей строгостью: или, говорят,
отдыхать, или — кулаками махать.
А стоять и пучиться — добра не получится.

Боброк: Ты уж, князь, того, прости.
Нам обиды — не к чести.
Но и сам уж постарайся
Поскромней себя вести!

Чтобы русских мужиков
Не считать за дураков!
Мы же тут все похожи
От макушки до шнурков!

Дмитрий: Ну, Волынец, ты горяч!
Ладно, ладно, зубы спрячь.
Надо малость покумекать,
Да к делам тебя подпрячь.

Что дела! Уже делищи
Бьют ногами об порог!
Нонче всем, выходит, срок
Духом стать сильнее и чище!

Сколь по норам жить сурками?
Я ору, душой боля!
Оскудела мужиками
Что ли русская замля?

Гости: Чтоб червём я стал поганым,
Чтоб не дожил до утра!...
Эх! Обмоем чистоганом
Гниловатые нутра!

Дмитрий: Подождите! Что вы, право,
Не даёте говорить!

Гости: Хорошо пошла отрава.
Все желают повторить!

Дмитрий: Ждётся монада лимонада!
Прикажи — пуцай нальют!
Что я — рыжий? Гости пьют!
Ну а мне чего же надо?

Ну-ка, слуги, лейте людям!
Ну-ка, люди, здоровы будем!
Раз такое началось,
Опосля дела обсудим!

Нешто пусты погреба,
Аль гульба нам не люба!
Али брюхи поиссохли,
А во ртах — по два зуба!

Здесь ни нам, ни нашим детям
Никому не уступить!
Нету нации на свете
Нас способной перепить!

Что ж вы, хлопцы, заскучали?
Веселись, народ честной!
Пусть напасти и печали
Нас обходят стороной!

Чтоб не снилось и Гомеру,
Чтоб Гомеру онеметь!
Только, черти, знайте меру —
Без закуски пить — не сметь!

Чтоб наутро, без похмелья
Всем в тверёзом встать уме!
Чей там тост? Мели, Емеля!
Подготовиться Фоме!

За Фомой — Прок, за Проком — Серёга
Нашёлся рог — хлебнули из рога.
Дубовый стол тягали за ножку.
Смог лишь Прок. Да Глеб — немножко.

— Несите чару,
Налейте браги!
— Силён, бычара,
А мы — салаги!

— Тяжёл, зараза.
— Видал, как надо!
Ну, все — по разу!
На том и рады!

— Народ тоскует!
Поусыпили!
— А кто тостует,
За что не пили?

За победы, за искусство,
Чтобы корень не ослаб!
За возвышенные чувства
И отсутствующих баб.

Пили просто, без причины.
Кое-кто уснул в углу.
Глеб вскочил, и — кулачиной
По дубовому столу!

Эх! Слезы солёны в курчавой бородке,
Тяжкие стоны навзрыд из глотки,
Народ сострадает — вот же ведь, ишь ты!
Каждый гадает — мол, чем пособишь-то?

Куды влить — найдётся, и сказать чой-то хоцца.
Да язык уж не гнётся со словами бороться!
Мозги-то пусты! Кончились тосты!
Эх! Объём головы — меньше брюха, увы!

Дмитрий: **Ну**, допился, это ж надо!
Ты хочь имя-т не забудь!
Что ли вы его по заду
Хлобыстните чем-нибудь.

Может, стресс его проймёт,
Может, он чего поймёт!
Может, он ума хучь каплю
У товарищев займёт!

Боброк:
Дмитрий:

Я готов его ссужать!
Ну-ка, хватит тута ржать!
Кто из вас самих способный
Равновесие держать?

Вот мы с вами лясы точим,
А такая ж грудa тел!
Я и сам, промежду прочим,
Позабыл — чего хотел!

Как в уме чего заело.
А, поскольку пьян в дугу,
То припомнить — что за дело,
Знамо дело, не могу!

Эх! Лучше был бы я скупой!
Жизнь была б не столь тупой.
Вы же, черти, превратили
Опохмелие в запой!

Да! Запой когда-то минет.
Станет снова ясным ум.
Только в нём навеки сгинет
Плод моих великих дум!..

**Вбегает дьяк-Антошка. Не в себе немножко.
За ухом — писало, белый, как сало,
мокрый, как в ливень, глаза по шесть гривен,
Бряк с князем рядом! Видать — с докладом.**

Дмитрий: Почему прибёг как бес:
Почему докладу без?

Антошка: Ты бы, князь, кончал трепаться —
Больно времени в обрез!

Хан Щелкан — посол Орды —
К нам пожаловал сюды.
Может, ну его до завтра?
Далеко ли до беды?

Вдруг какую ерунду
Ляпнешь в пьяном во бреду!
Ей же ей — поганый ирод
Настучит на нас в Орду!

Помнишь, как о прошлом годе
Добивались ярлыка?
Или мы Орде — в угоде,
Или нам — секир башка!

Понашлют сюды оравы,
И корми их!
Прячь стакан!
Эх-ма, поздно!
Будьте здравы,
Достославный хан Щелкан!

ходит Щелкан:

Щелкан: Я так понял, вы тут пьёте
На богатом на пиру?
Хорошо, глядеть, живёте —
Двое больше дань беру!

Вы тут льёте мимо рта,
А в Орде казна пуста!
Пусть нам платят с каждой литры
Все питейные места!

Я купить себе сперва
Новый лошадь. Даже два!
Двое чаще буду ездить
От Мамаё до Москва.

Двое больше мне считай
Ваш песец и горностаё,
Чтобы лучше одевался
Весь Орда наш Золотай!

Боброк: Вот тебе мешок хренов!
Мы и так тут без штанов!
Ну, ишо мальца доплатим
Разве самым нижним платьем!

Коли там у вас Орда
Не побрезгает, тогда
Увезёшь портков дырявых
Для татар своих корявых.

Зашумели мужики:
— Скидовой с себя портки,
Отоваривай Щелкана,
Перешьют, раз велики!

Дмитрий: Тихо всем! Какая честь!
Знал Господь, кого привести.
Первый раз ты, милай, кстати.
Дайте гостю пить да есть!

Если б эта обезьяна
К нам сюда не забрела,
Так бы и не вспомнил спяна
Про важнейшие дела!

Сядь, Щелкан, поешь немножко —
Вот огурчик, вот компот.
Я надеюсь, путь-дорожка
Не доставила хлопот?

Ждали вас, юлить не стану.
Как Орда, Сарай Бату?
Значит так: теперь я встану
И скажу напрямому:

Дяде жирному в шатре
Передашь моё антре!
Я ярлык его поганный
Самолично сжѐг в костре!

Вобщем всё! С сего же мига
Не желаю дань платить!
Было иго — будет фига,
Понял, мать твою етить!

На лбе у татарина случилась испарина,
Внутрях от злобы — как есть всё сварено!
Вскочил сердешный, такой потешный —
Стулья пинает, сказать чего — не знает,

Прыгает, бьётся, шипит, плюётся...
Народ диву даётся — не без ума ли?
Насилу поймали.

Дмитрий: Что же ты не прикоснулся
 Ни к лосю, ни к осетру?
 Али голод не проснулся,
 Аль еда не по нутру?

 Так ступай, пожуй конину,
 Да моё имей в виду!
 Разъясните гражданину,
 Где дорога на Орду.

Щелкана уводят.

Антошка: Боже мой, я так и знал!
 Ты же всех нас доконал!
 Как всё гладко начиналось,
 И какой плохой финал!

Дмитрий: Конееды — мелкота!
 Нам, здоровым — не чета!
 Будем биться за Россию,
 Не жалея живота!

Неча ручками трясти,
Да мотать башкой,
Ежли хочешь жить в чести
С Русью-матушкой!

Но покудова питьём
Одурманены —
Мы топтать себя даём
Басурманину!

Боброк: Прав Димитрий — зря мы квасим,
Изболела гниль-душа!
Хочь мы все тут — восемь на семь,
Только толку-т ни шиша!

Фрол: Сколько лет обиды сносим!
Восемь на семь, семь на восемь.
Вышло время, грянул гром!
Вот чичас допьём — и бросим!

Прок: Коль подобный оборот,
Пить бросаю всех вперёд.
Потому — меня по пьяни
Ажно злость не разберёт!

Боброк: Раззадорил, дуралей!
Ну, тогда и мне не лей!
Я, хотя и так не мягок,
Но по трезвой — всё же злей!

Дмитрий: Ежли мы, помимо злости,
Хучь каких не примем мер,
Всех достанут злые гости
Из монгольской НДР.

Хватит прятаться в перины,
Хватит дрыхнуть на печи!
Все берём колы и дрыны,
Да булатные мечи!

Кто по-пешему прибудет,
Кто залезет на коня!
Вобщем, жду вас, добры люди
Завтра утром у меня.

И ишо напомним, кстати, —
Десять лучше одного!
Коли кто друзей прихватит —
Очень будет ничего!

А вот вам Орда!
Бардак, как всегда!
Народ невоспитанный — просто беда!
Прыгают, носятся, глазками косятся,
Щас или бросятся, или попросятся!
Злобны да хмуры, век в пессимизме.
Ни вам культуры, ни образа жизни!

А язык у них — чудный, в изучении — трудный.
Ни шведский, ни польский — татаромонгольский!

Лагерь, опять же — что степь со стогами,
Юрта — по ихнему — тряпка на раме!
Стал на корачки, и лезь под тряпки.
Спят на полу, от младенца до бабки.
Коврик постелят — прямо как шавки,
Ни тебе печки, ни тебе лавки.

В лагере — густо. Много народу.
Главный по лагерю — хан. Воевода.
Жизнь у него — скука сплошная:
Сидит себе в юрте — баклуши пинает.
Девки попляшут, опий покурит.
Так и живёт — между девок и дури!

Нонче в юрте у Мамаю
Речь особенно прямая:
Хан Щелкан сейчас в отчёте
О проделанной работе.

Мамай:

Что ты вьёшься как верёвка,
В землю тычешь бородой?
Как твоя командировка,
И велик ли был удой?

Где монеты золотые,
Соболиные меха
Где отборные, густые,
И помельче чепуха?

Где медовая настойка,
Что сама в живот течёт?
Где хоть что-нибудь? Постой-ка,
Где, в конце концов, отчёт?

Ты должон, каналья морда,
Быть давно уже готов!
Отвечай толково, твёрдо.
Лучше, если без понтов!

Щелкан:

Не вели меня казнить,
Злые пытки мне чинить.
Не сажай меня на колья
И в темнице не дай сгнить!

Не убий, не укради,
Не блуди да не суди!
Стоп! Чего-то я по-русски?
Осуди, но пощади!

Твой покорный раб Щелкан
На Руси попал в капкан.
Сам насилию жив остался,
Хочь и сбёг, как таракан!

Ни в едином номинале
Не прибудет на склады!
Обхамили и прогнали
Представителя Орды!

Мамай:

Да, стареешь, прямо скажем.
Вона, полон рот слюней.
Стыдно! Менеджер со стажем,
А стажёр тебя умней!

Щелкан: Нонче русские за так
Не отвалят и пятак.
Кто ишо им счёт предъявит,
Ежли я уж — не мастак?

Тут, Мамай, нужна интрига,
Или способ силовой!
А покамест — только фига
Вручена тебе Москвой!

Мамай: Значит, этот идиёт
Против нас мечи куёт?
Значит, Запад инвестиций
Нам покамест не даёт?

Что ж, возьму свою суму,
Сам наведуясь к нему.
Собирай, Щелкан, ораву.
Медлить боле ни к чему!

Пусть тебе мой казначей
Выдаст денег для харчей,
Обновить вооруженье
И аванс — для басмачей!

Подготовиться добротнo!
Всех заставь из кожи лезть!
Построение — поротно
Завтра утром, ровно в шесть!

Согнулся Щелкаша — мол, что ж, воля Ваша.
Будем стараться!
И побёг собираться...

Только солнце засияло,
Войско в ряд уже стояло.
Ни к началу, ни к концу
Не вмещаясь на плацу.

Злобны воины, сильны,
Не ханыги, вишь, ханы!
А что ростом мелковаты —
В этом нет ничьей вины.

Все снабжённые Щелканом
Саблей, луком и арканом.
И у каждого меж ног —
Прижевальский скакунок!

Растянулось ожиданье
Получения заданья..
Почитай, с шести утра,
У Мамаева шатра

Конский топот, ржанье, клики —
Подымайся, хан великий!
Заждались богатыри!
Хан Мамай проснулся в три.

У монголов нравы грубы:
Ни тебе — почистить зубы,
Ни зарядки, ни в бадью —
Почесался, и — адью!

На простор степной, воздушный
Вылез хан из юрты душной,
Отряхнулся от песка,
Глядь — кругом одни войска!

Сразу мысль — чего стряслося?
Ишь, как много набралось
Кавалерий да пехот!
Ёшкин кот, ему ж в поход!

Слава небу — всё в порядке!
Аж душа упала в пятки.
Он уж думал — быть беде,
Революция в Орде!

Что за бредни! Где броня?
Привести ему коня!
Хан желает перед строем,
Гарцевать, бронёй звеня!

Конь под ним танцует танцы,
Хочет скинуть седока!
Ну-ка, ти-и-ше, голодра-а-а-нцы! —
Пронеслось через войска.

Хан, согласно положенья,
По традициям веков,
Обоснует цель вторженья
И назначит вожаков!

И ведь не было, вроде, об том ещё годе
Ни раций с антеннами тонкими,
ни микрофонов с колонками.
Лишь лужёная глотка. А слушались чётко.
Да и какой вопрос-то? С языком длинным —
просто:
Подрежут — раз длинно! Потому — дисциплина!
Разговорчики скисли...
Собрал Мамай мысли, выскочил вперёд,
Да как заорёт!

Мамай: **М**ои воины лихия,
 Нешто из-за чепухи я
 Понапрасну б вас собрал,
 Так бы здесь сейчас орал?

С той поры, когда Чингизу
За границу выдал визу
Знаменитый курултай,
Полтораста лет, считай,

Русь держали в кабале мы!
А теперь у нас — проблемы!
И посредством грозных фраз
Не решить их в этот раз!

На Руси, у нас в улусе,
Князь — совсем не в нашем вкусе!
Вольнодумец, колоброд,
Подстрекает свой народ.

Не приемлет нашей власти,
Выход начисто зажал,
Мой ярлык порвал на части!
Вон, Щелкану угрожал!

Поперёк всеобщих правил
Кремоль каменный поставил
И под носом у Сарая
Ходит, руки потирая.

Вобщем, как бы так сказать,
Надо Митю наказать!
Чтобы он почёл за счастье
Наши пятки лобызать!

По спине его по голой
Пусть походит наша плеть!
Выше нос, мои монголы!
Кто вас может одолеть?

Разогнуться, распрямиться,
Грудь — вперёд, убрать живот!
Кто боится осрамиться?
У кого — самоотвод?

Всем — проверить снаряженье,
Всем — уставы повторить.
Если есть соображенья,
Не стесняйтесь говорить.

Щелкан:

Хан великий, хан могущий,
Отряди меня пока
Впереди Орды идущей
Встретить русские войска.

Вишь, как чешутся ручищи,
Как обида душу жрёт!
Воронью не быть без пищи,
Отряди меня вперёд!

Я один пойду на тыщу,
Я ж их в клочья всех порву!
Я тебе, Мамай, расчищу
Путь-дорогу на Москву!

Раз уж вышло провиниться,
Искуплю свою вину!

Мамай:

Не пора ль уgomониться
Престарелому хрену?

За тебя — и мне обидно
Ажно чуть не до слезы!
Ну, должна же быть солидность
У ордынского мурзы?

Сколь тебя не отряжай...
Ладно, шут с тобой, езжай.
Что поделать, коли нонче
На мозги — неурожай!

Нагони на Русь беду,
Собери у русских мзду!
Ну а ежели затыки —
Там и я, глядишь, дойду.

Да, возьми с собой ребят —
У кого зады свербят.
Не на чай с вареньем едешь,
Пусть маленько пособят.

И ещё одно внушенье
Для всего твоего гурта:
Разрешенья на ношенье,
Накладные, паспорта...

Мало ль, кто начнёт цепляться?
Ну, ступай в конце концов!

И побѣг Щелкан по плацу
Набирать себе бойцов...

Щелкан:

Есть приказ — из вас набрать
Головную как-бы-рать,
Чтобы русские отряды
Перед ханом попить!

Сам Мамай, промежду прочим,
Расписался. Вот печать!
Добровольцы есть охочи?
Значит так уж и не хотим,
Значит, голову морочим?
Ладно, будем назначать!

С каждой сотни — по три рыла!
Подь сюды, вон ты, горилла,
Будешь вместо образца!
Вот, такие три ... лица!

Положения Устава
 Попрошу не обсуждать.
Списки личного состава
До пяти часов — подать!

Ровно в шесть — идём на россов,
Ух, они мне попадись!
Есть вопросы? Нет вопросов.
Смирно! Вольно! Разойдись!

В тот же день, чернее тучи,
Со Щелканом во главе,
Эскадрон татар летучих
Начал двигаться к Москве...

в Москве белокаменной — бедствие:
Сушь великая, тьма очуменная.
То не марево злое, небесное —
Дурь народная, беспеременная.

**Тяжело ж ты, похмелье русское!
Поделом ли потратили моченьку?
Наливали сквозь горлышко узкое,
А испили широкую боченьку.**

**Сколь жалеть, да болеть, сколь суму трясти?
Вечер глупый — да утро мудрёное.
А и нет на вас утренней мудрости,
Коль наутро вы — мясо варёное!**

**Вы, укрывшие землю соборами,
Изводились никчёмными спорами.
И валяться вам век, горемычные,
По палатам в углах, под заборами.**

**Ваш удел — неужели лишь бражничать?
Мать-земля, ниспошли им прощения!
Сколь же русскому духу бродяжничать,
И нигде не найти воплощения?**

Отпой их дождём, утро свежее,
И умой их росинками-слёзами.
Сделай, ветер, их сильными, прежними.
Пусть проснутся сегодня тверёзыми.

Пусть любая былинка, играючи,
Заблестает положенной краскою.
И на это рождение взираючи,
Ворог лютый умолкнет с опаскою!

От сует дневного быта
До поры земля забыта
Под прозрачной и густой
Сочной летней чернотой.

Как купельня чистовая,
Темень, чёрная, как тушь,
Растворяет, отмывая,
Черноту от русских душ.

Ночь тиха. В ночи, навалом,
Словно души и не их,
Спят, разинувши зевала,
Володельцы душ сиих.

Царь Морфей — чудной возница.
Кто их знает, что им снится?
Сказки, вещие ли сны,
Верить, или усомниться?

Хоть бы раз увидеть, Боже,
Что грядёт! Но нет! И всё же,
Всеблагой, не даждь нам днесь
То чего нам не унести!

Время близится к рассвету.
Ночь уходит. Время ветру
Сдунуть с неба крошки звёзд —
Тонкий след ночного пира.
И, хотя ещё полмира
В дрёме, свой небесный пост
Месяц Солнышку устало
Сдать желает. Не пристало
Красну Солнцу опоздать!
Уж не спит оно, видать!

Подразнит, спросоня нежась,
Степь туманом окурит,
Вкусит утреннюю свежесть,
И легонько воспарит.

Сквозь укреп деревьев частый
Восхитит безумством трат.
Защебечут птахи — здравствуй,
Ветер дунет — здравствуй, брат.

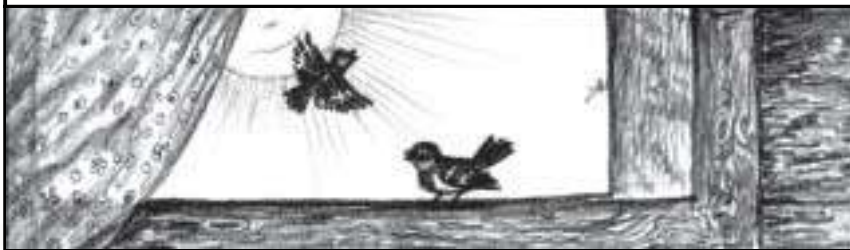
— Здравствуй, ветер, вижу — где бы
Ни резвился ты, шальной,
Просветлело сине небо
По-над русской стороной!

Смёл в весёлом танце тучи,
Словно кудри от чела!
Что внизу? Не стало ль лучше?

— Да, обычные дела.

Не поднять! Храпят детины.
Снова рожи цвета тины!
Может, лучше нам вдвоём
Произвести у них подъём?

Взвилось Солнце:
— Что за прятки?
Ну-ка, князь, давай, вылазь!
А не то — поджарю пятки,
И контрольный — прямо в глаз!

Не доспать спокойно князю.
— Ну, вылазю я, вылазю!
Солнце, птицы, свет, галдёж —
Каждый день — одно и то ж!

Разлепил старшой зеницы —
Непонятно! Может, снится?
Ущипнулся раза три —
Чудо чудное внутри!

Дмитрий:

Непонятно, в самом деле,
Пили мы, аль так сидели?
Ум тверёзый, спал дитём —
Как ни странно — всё путём!

Ей же ей, вставайте, черти,
Самочувствие проверьте!
У кого чего с башкой?
Или я один такой?

Это что-то как-то ново —
Ни единого больного
После столького стола!
Нет, подобные дела

Были с кем-то, безусловно.
Но вот так, чтоб поголовно...
Потому, сдаётся мне —
Эпидемия в стране!

Внемля речи князя пылки,
Чешут граждане затылки
— Ишь, какая ерунда!
Лучше было б, как всегда!

Наплевать, что спим в грязи,
Потерпели б — не ферзи!
Но, зато с утра — при деле,
Да и вечер — на мази!

А теперь — всё здорово,
Ну а делать-то чего?
Это ж полное крушенье
Распорядка своего!

Посередь людского гула,
Поднабравшись куражу,
Поднялся Боброк со стула
— Слухай, князь, чего скажу!

Я, к примеру, полагаю,
Коли бросить на весы —
Непонятности — пугают,
В остальном, за то — плюсы!

Эко горе, в самом деле —
Встать с тверёзой головой!
Не того ль вчера хотели?
А теперь подняли вой!

Гой ты, Русь честна, без вздоха
Как понять тебя ишо?
Хорошо тебе — коль плохо,
Плохо — ежель хорошо!

Ни веселью, ни печали
Середины не найти!
Топчут нас, чтоб мы крепчали —
Нам иного нет пути!

Посему, великий князь,
Восприми судьбу, смеясь!
Аль забыл — вчерась Щелкана
Проводили восвоясь!

Нам ли ноне быть в печали?

Дмитрий:

Значит, это был не сон?
Ты ишо ему вначале
Предложил мешок кальсон?

Нету денег, мол, снимаем
Подысподние штаны!
Значит, мы теперь с Мамаем
В состоянии войны?

Так трубите! Все — на сборы,
У кого рука тверда,
Потому как очень скоро
К нам пожалует Орда.

У монголов в этом деле,
Кстати, минимум возни.
Так что, счёт — не на недели,
Почитай, уже — на дни!

Пусть гудят колокола,
Чтоб из каждого угла,
Отряхнувши страх привычный,
Сила русская пошла!

Забелеем и зардеем!
Прочь, утрюмые цвета!
Время — биться с лиходеем,
Не жалея живота!

Опосля dospорим споры,
Опосля дожнѐм хлеба.
Всѣ бросайте, все — на сборы,
А иначе всем — труба!

Складно устроен мужичок наш русский — в плечах — широкий, в поясе — узкий. Кто бороду носит — у того она вьётся, а и кто не носит — не сочтут за уродца.

Верит по-нову, творит по-старинке. С лестью — хреново, лишь в усмешке — хитринки.

Детишек в семьях — не счесть даже толком: по лавочкам — семь их, да ещё куча — по полкам. Бегают, шкодят. Нуко-ся, хватит! Батька уходит войну воевати.

Слухай, старшой, такое вот дело — ты уж большой, рука затвердела. В ответе теперь за братьёв да сестрёнок. Расти поскорей — где широк, а где — тонок!

Вяжут кони бубенцами
Многозвучны кружева.
Наполняется бойцами
Златоглавая Москва.

И клокочет и струится,
Как из чайника парок,
За кремлёвские границы,
В русло трёх больших дорог!

Кто отстанет — тот запомни,
И другим ещё скажи:
Собираемся в Коломне —
Не Бобруйск и не Кижы!

Коли не перекроится
Ничего, расклад таков:
В понедельник состоится
Уряжение полков.

Важно выявить заделы —
Сколько нас, каков наш враг.
Ну а там, по ходу дела,
Разберём, чего да как.

Князь Димитрий осторожно,
Быть желая начеку,
Высылал вперёд сторожи —
Поразведать за Оку,

Ежли где чего укопит
Враг коварный втихаря...
Был у князя горький опыт
Неприятных передраг.

Опыт дней печальных, чёрных,
Ох, как гложешь ты внутри!
Два звена бойцов отборных.
Если надо — то и три!

Две сторожи воротились,
Значит, сведений — вдвойне!
Басурманы всколготились,
И готовятся к войне.

Воевода коли точен —
Войску там — семьсот тыщей.
Сам Мамайка озабочен
Собиранием вещей.

Но пока, хитря чертовски,
Ждёт иных своих «коллег»:
Князь Ягаило литовский,
Да, кажися, наш Олег

Обещали хану быть.
Но к развитию событий,
Ежли точно подгадать —
Могут очень опоздать!

Вспыхнул Дмитрий каждой клеткой:
— Нешто киснуть в терему!
Съездить в третью разведку
Интересно самому!

Будь со мной, Данила Пронский,
С малым войском, налегке.
И в минуту топот конский
Растворился вдалеке...

Долго, коротко ли время,
Путь-дорога далека.
Припекает солнце темя,
Утомляя седока.

Накалившееся стремя
Мерно тычет в бок коню,
Просит степь ночную темень,
Иссыхая на корню.

Вдруг с небес, дождавшись срока,
Хлынет сущему поток.
Вновь разведчику морока.
Что поделаешь, браток?

То ли мокрый лоб от пота,
Поднебесная вода ль,
У тебя одна забота —
Зорко всматриваться вдаль.

Крикнет птица, хрустнет ветка,
Свежий след на старом пне...
Ты, мужик, теперь в разведке -
Будь внимателен вдвойне!

Коли что — ползи ползком,
Будь как лев перед броском.
Может быть, секрет ордынский
Схоронился за леском?

Может быть, дозоры вражьи
У реки поят коней?
Тут, какой ты ни отважный,
А веди себя скромней!

Не хватайся за тетиву,
Гнев попробуй остудить.
Самому остаться живу,
И друзей предупредить —

Вот первейшая задача!
Ну да ладно, сбился я.

Третий день Димитрий скачет
Со товарищи своя.

Где уверенным аллюром,
Где чуть слышно семеня.
Сам едва не стал каурым,
Погоняючи коня.

Сколь уж степи потоптали
От низов и до верхов,
Напирая на детали,
Опросили пастухов.

Перевозы, тропы, броды
И окольные пути —
Окромя родной природы
Никого, как ни крути.

Князь в раздумье, люди — тоже.
— Ладно, хватит, мужики,
Глянем быстро речку Вожу,
И обратно, вдоль Оки.

Мала речка Вожа, а всё же — не проверить
не гоже!

Ох, не люб крюк — на авось да вдруг.
Впрочем, где исток — до туда чуток, а оттель до
Оки — тожа пустяки.
Хочь и лишних вёрст полста — не одна верста,
Зато совесть чиста!

Тишина на речке Воже,
Мокнут лошади в росе.
Вдруг, как судорга по коже,
Шёпот князев: «Тише все!»

Да и, ох, как было, право,
От чего разинуть рты,
Потому — у переправы
Сушат мокрые порты

Неготовые для драки,
Развалившись на траве,
Сплошь монгольские вояки
Со Щелканом во главе.

Под затык набили брюхи
Всяко разною едой.
И гудят большие мухи
Над поганою Ордой.

Дмитрий: Ах, Щелкаша — старый чёрт!
Прямо форменный курорт.
Надо б как-нибудь прикинуть —
Их, небось, под тыщу морд!

Подползли, едва дыша,
Посчитали, не спеша.
А не так уж их и много —
Не сказать, что до шиша!

Дмитрий: Что молчите, россияне,
Проучить бы дурака!
Точно так и нам на Пьяне
Арапша намял бока.

Не закончила обида
Душу русскую свербить!
Все подумали для виду,
И решили — надо бить!

Дмитрий:

Значит так: давай, Данила,
Заходи тихонько с тыла,
Впереди — отряд Бренков,
Ну а я нажму с боков!

По-хозяйски, не стучась,
Налетим, как ветры мчась.
Если всё пойдет нормально,
То управимся за час!

Все готовы? Бог нам — в помощь!
Наскочили, закричали,
И аж вздрогнули вначале!
Посередь монгольских кормищ

Ну и запах, ну и дух!
Словно кто у них протух!
Сильно хлопцы обозлились,
Разметая стаи мух.

Завязалась, понимаешь,
Нешутейная борьба:
Правой врага ломаешь,
Левой — гонишь мух со лба!

Вышел ворог в драке шаткий,
И густая вражья рать,
Побросав свои манатки,
Припустилась удирать.

Знатны воины, просты ли —
Жизнь попробуй-ка, купи!
Даже запахи простыли
Во широкой во степи!

Кто-то рыпнулся вдогонку,
Да осёкся с полпути.
Хочь приделай перепонки
И по воздуху лети!

Раздувается грудина
Как кузнечные меха —
Не догонишь, всё едино.
Ну да ладно, чепуха!

Пусть в Орде до белой пены
Про победы будут врать.
Но, пущай их, постепенно
Привыкают удирать!

Надо ль бой сменять на травлю,
Делать гончих из коней?
От себя ишо добавлю,
Коли вдуматься сильней —

Всё же крепко в заварухе
Помогает людям злость!
А вот, ежели б не мухи,
Как бы дальше понеслось?

Так ли всё, или иначе,
Всё равно. В конце концов,
Враг побит! А это значит,
Ждут трофеи храбрецов.

После боя и погони
В теле — лёгкая ленца.
Вроде, стало меньше вони,
Но ишо не до конца.

Ведь минут на двадцать ходу
Равномерно вдоль реки —
Тут — объедки, там — отходы,
Здесь, сказать смешно, портки.

Фрол: Тоже прибыль, да не та ведь.
Вот же, сукины сыны,
Что бы путное оставить,
Нет! Оставили штаны!

Ну да ладно, на сегодня
Не иссякнут наши дни.
Что ж, выходит, что исподним
Платим долг не мы одни!

Прок: Ну, чего они бишь носят?
Дай-кось, что ли, подыму.
Вдруг меня в деревне спросят —
Буду знать, чего к чему.

Вот бесовская одёжа,
Нашей меньше раза в три!
Да они и сами, тожа,
Те ишо богатыри!

Фрол: Вот потеха-то, монголы —
Без всего, одни, в степях.
По седлу, да задом голым,
Да ишо и второпях.

Прок: Ну-ка, граждане, примерьте,
Песню швейного труда.
Как они в них ходют, черти?
В них дитю — и то беда.

Фрол: Как-то всё у них поплоче.
Экономят, куркули!
Даве сел на иху лошадь —
Ну дык, ноги — до земли!

Прок: Подросли бы, бедолаги,
Кабы жись была сладка.
И кумыс слабее браги,
И стаканы — в пол-глотка.
Даже жалко их, болезных.
Знать, удел у них таков.

Фрол: Ну куды ж они полезли
На здоровых мужиков?
Спасу ж нет от этой мрази!
Ты ишо их побели!

Голос: Эй, братва, айда до князя,
Там кого-то привели!

Картина такая: стоит толпа людская,
посередь — Данила Пронский. В одной руке —
повод конский, в другой — аркан, на аркане —
Щелкан!

Запуган — хоть в ад лети — фактически до
смерти,

верёвкой обвитый, потёртый, побитый,
одежа — в клочья.

Любуйтесь, короче!

Данила:
(Дмитрию)

Во полутора верстах
Ползал, гадина, в кустах!
Хорошо, мои ребята
Проезжали в тех местах!

Забирай, а то сдурю,
Срежу бошку упырю!
Он у них тут — самый главный,
Я те точно говорю!

(Щелкану)

Кланься князю по-людскому!
Ишь, застыл, как истукан!

Дмитрий:

Мы давно уже знакомы.
Ну, здорово, хан Щелкан!

Эк, тебя перекренило,
Как повыпучил глаза!
Развяжи его, Данила,
Он же всё-таки — мурза!

Нам, Данила, с этим дядем
Есть, чего повспоминать.
Ну, давай, Щелкан, присядем,
Станем прошлое вынать.

Почитай, опять родился —
Мог уж быть без головы!
Часом, ты не заблудился
По уезде из Москвы?

На Руси скитаться — мука,
Столь напутано дорог!
Вижу, прежняя наука
Не пошла тебе в урок.

Вон, опять с каким-то скопом
В землю русскую проник.
Или ты по тайным тропам
Шёл с друзьями на пикник?

Извини, какое ежли,
Может, планам помешал?
Каюсь, был не очень вежлив —
Взял, пришёл, а ты вкушал.

Дак ведь видимся ж нечасто.
Нет, а правда, старый плешь,
Может, ты такой несчастный
От того, что мало ешь?

Так покушай, ну-ка, на-ка.
— Ты меня, — Щелкан вскочил, —
Так употчевал, однако,
Я аж чуть не опочил!

Дмитрий: Ну, хочь так оформил мысли!
Ты, я вижу, осмелел!
Для чего ж, бурдюк кумысный,
Я добром тебя жалел?

Для того ль, седая шкодня,
Чтоб пришёл сюда врагом?
Ну дак я тебя сегодня
Пожалею сапогом!

Что молчишь? Болтать не хоцца?
Голова твоя стара,
Ну, чего тебе неймётся?
Глянь, на пенсию пора!

Коз паси, внучатков нянчи,
Наслаждайся тишиной.
Если нету тяги к ранче,
Поверни на путь иной.

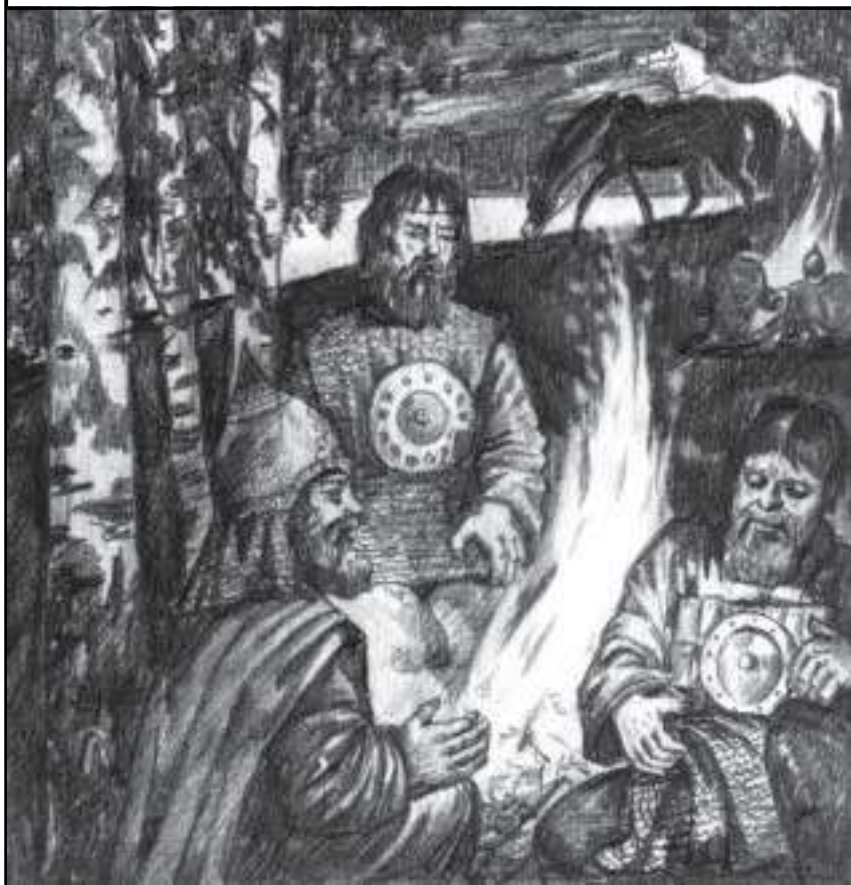
Постигай премудрость игр —
Шахмат, нардов разных, карт.
Нет, ты лезешь, дряхлый тигр,
Да ишо и в авангард!

Ни стрелять не можешь точно,
Ни держаться на коне.
Всё! На пенсию! И срочно!
Об участии в войне

Здесь не может быть и речи —
Так меня и понимай!
А подробности при встрече
Передаст тебе Мамай!

Подымайся ж, бог японский,
Неча глазками стрелять!

Подь со мной, Данила Пронский,
Время гостя отправлять...

Ночь округу затемнила,
Тихо палят костерок
Князь Димитрий и Данила.
Мимо них проходит Прок.

Прок: Ну, чего бишь загрустили
Две суконных бороды?
Данила: Мы тут змия запустили
Аж до самая Орды.

Дмитрий: Пнули бестолочь седую
Улетел — и не видать.
А куда ветра подуют,
Кабы точно угадать?

Прок: Это надо вам с Боброком
Покалякать, мил други.
Он по части быть пророком
Всех заткнёт за сапоги.

Про него народ судачит —
Кто помягше, кто — позлей.
Каждый ждёт себе удачи,
Только жись-то — не елей.

Где украсит, где измажет.
Ей на всех не напасть.
А иных — ну так накажет,
Что аж прямо хучь крестись.

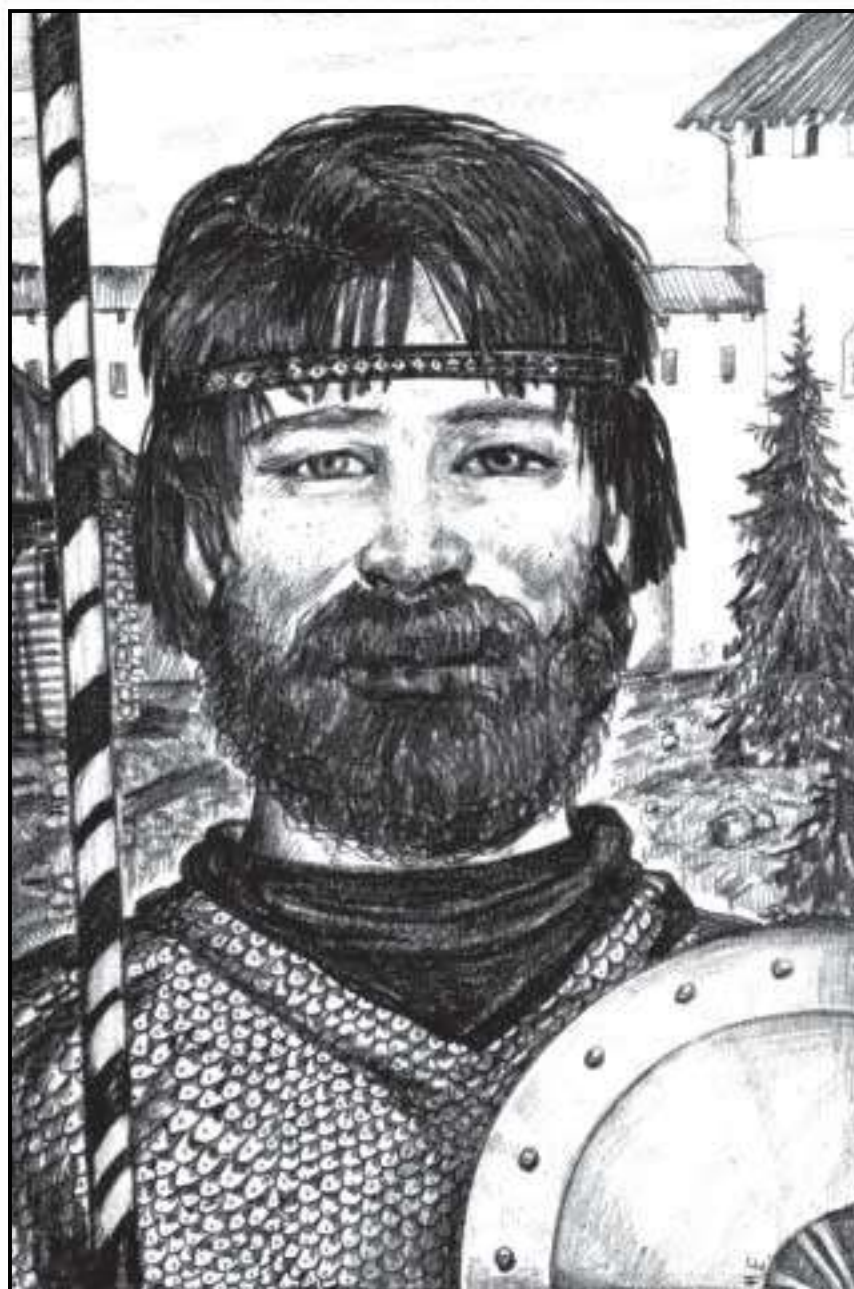
Для таких гадать, конечно,
Словно сердцем по ножу,
Им Волинец — нерусь вечно.
Только я те, князь, скажу:

Скусу нет в настоящее винном,
Коль не выдержать вино.
Родилси Боброк литвином,
Но уже давным давно

Настоялся русским духом,
Поизведал русский хлеб.
И, опять таки, по слухам,
На любой работе леп.

Дмитрий:

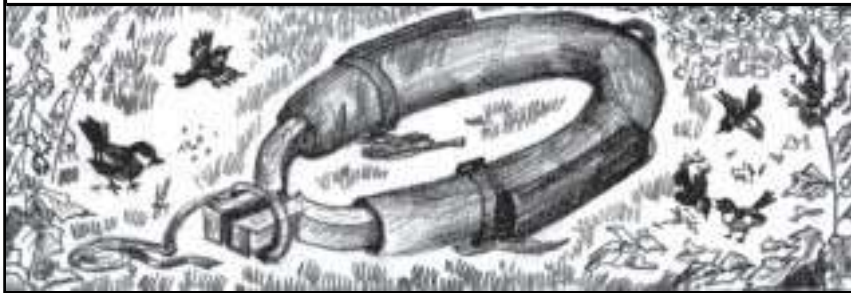
Даже слушать неприлично —
Ходят слухи, да кажись...
Я Боброка знаю лично
Почитай уже всю жись!

Он мне — сродственник по маме,
Мне об нём трепать — не нать.
Растрепались! Я и впряме
У него схожу узнать!

Прок: Извиняюсь, обсчитался.
Ну, и я пойду схожу.
Может, мне какой остался
Сувенир от дележу.

Не добуду перламут,
Дак хучь с лошади хомут
Увезу своим в деревню,
А не то ведь не поймут...

статии, о понимании:

Ни в Швеции, ни в Германии,
ни в Англии, где всё в тумане,
ни в Греции там, у грека —
в Рязани, у одного человека
нервный тик дрыгал веко.

Ему это, жуть, как не нравится — а попробуй
избавиться! Эва! То вверх, то вниз, то вправо,
то влево ходит глаз ходуном во проёме глазном.

Тот человек — князь Рязанский Олег — на
поступок решается,

А глаз ему мешается.

Олег: С кем быть? Или ни с кем —
вот в чём вопрос!

Бежать, бороться, дома отсидеться?
Хотя бы солнца луч в разрывах гроз.
Едва очухался, едва чуток подрос —
И снова гром, и никуда не деться!

А я схитрю! Кривая — не прямая,
Авось, да вывезет! Прогну хребет дугой,
Перед Мамаем Ваньку поломаю.
В Москву же тон письму задам другой —
Всенепрременно противу Мамаю.

Ещё Егаил, чёрт его дери,
Хотя и не отмечен славой ратной —
С ним тоже надо как-то аккуратно.
Таким, как он, нужны поводыри —
В сем убеждались, и неоднократно.

Столкнуть их всех, и взять самоотвод.
Кто супротив меня ножи заточит?
Любому — свой, любому гляню в рот.
Вот в чём разгадка, план успеха — вот!
Пусть всяк услышит то, чего захочет!

Такое время. Нонче не мечом —
Пером гусиным надобно владети,
Преобладать, оставшись ни при чём!
Орать, махать оружием — мы ж не дети,
Мы шёпотом поболе извлечём.

Но, Господи, ужели я грешу?
Я вынужден!
Ужели добровольно, когда бы не Димитрий...?
Но, довольно!
Итак, пишу, пишу, пишу, пишу..

Надеюсь, мы приличий не превысим,
Открыв, к примеру, первое из писем?
За давностию лет — разрешено.
К Димитрию Московскому оно.

Письмо 1

*Здравым будь, Великий княже!
Бью челом тебе, и даже
Возжелаю всей душой —
Буди мне, как брат старшой!*

*Ся благою мыслью тешу:
Письмена сии возьмеша
Да прочтеша однова,
Внемлешь все мои слова.*

*Всех нас русичами кличут,
Наши волости граничут.
Ан, сказать не премину,
Может стать и мне в вину,*

*Но, скорее, нам обоим —
Друга дружку лютым боем
Изводили день деньской.
Редкий миг, когда покой*

*Озарял землю нашу,
И об мире ели кашу.
А сойдут рубцы едва,
И наутро — сызнава.*

*Всё теперь иначе. То есть,
Вдруг меня заела совесть.
Сел, как есть, и говорю —
Это что же я творю?*

*Да сожгут на злом костре мя,
Ежли я в такое время
(глаз, предатель, не коси!)
Супротив вся Руси*

*Подыму свой меч булатный,
На братьёв пойду войной —
Верой чуждою, иной
Гнать Христову на попятный!*

*Кто по мне измыслит худо,
Хоть из князи, хоть из люда,
За обидное словцо
Плюнь такому на лицо!*

*Я узнал, по слухам, брате,
Во главе огромной рати
Прёт Мамай на Русь, а мы
Выступаем впереимы!*

*Вот толковая идея —
Наконец побить злодея!
Жалко, я-то ко врагу
С вами выйти не могу.*

*Почитай, сижу один —
Без охраны, без людин,
Как берёзка в чистом поле,
Как полярник среди льдин.*

*Ты жа знаешь всех лучшее,
Сколь у нас всего на шее,
Меж каких Рязань огней.
Все ж отметились на ней!*

*И монгол подёргал жилы,
И надьсь Москва сама
Буйну руку приложила.
Так, что воинства нема!*

*Нешто я — да не помог бы,
Хоть ты давеча и строг был.
А, чего не говори,
Зависть белая внутри:*

*Как бы мне хотелось тоже
Здоровенным кулаком
По монгольской двинуть рожу,
Разлюбезный мой главком!*

*Я ж — бойцовая порода!
Ин, добро. В суровый час
Русь большая, и без нас
Наберёте в ней народа!*

*Но в жестокой сече, люто
Басурманинов рубя,
Брате, знай — рязанцы тута
Всей душою — за тебя!*

*Сим желаю попрощаться.
Жду с победой. Да гляди —
Кем ни будешь возвращаться,
На Рязань не заходи!*

Теперь открою письмо второе.
Я так понимаю, оно — Мамаю.

Письмо 2

*Хан великий, хан могучий!
Мне сказали — чёрной тучей
Ты грядешь, премного страшен,
Потоптати земли наши.*

*Ты, я знаю, не таков!
Стаей быстрых облаков
Бег твой лёгкий назову я.
Весть Руси несёшь живую,*

*Свеж, как веиная вода.
Дай учуять лишь, когда
Превратится в кучу хлама
Град зарвавшегося хама.*

*Ждут рязанцы. Верь — не верь,
Нижний Новгород и Тверь
Превеликому Владыке
Распахнут покорно дверь.*

*Миг единый удели нам,
Будь судьёй и властелином.
Пусть единый род людской
Под твоей живёт рукой!*

*Поскорей своё веленье,
Хан могучий, огласи!
Иноземное правленье —
Вот спасение Руси!*

*Научи нас — как ступить,
Сколько есть и сколько пить.
Заграница нам поможет
Дух наш русский укрепить!*

*А покамест прозябаем,
По сусекам пыль сгребаем.
И довёл нас до сего
Князь со слугами его.*

*Он теперь от всех в утайку,
Говорят, сбивает шайку.
Только — тьфу ему во след! —
Знай, великий, толку нет!*

*Не опасен москвит.
Твой узрев один лишь вид,
В глубь лесов непроходимых
Убежит трусливый Дима!*

*Ну, а, ежели всё же, бой —
Твой Олег всегда с тобой.
Всем душевным устремленьем,
Жаркой мысленной борьбой!*

*Не гневись, владыка гордый.
Я копил в ручищах злость
Для тупой московской морды.
Но, увы, не довелось.*

*Князь Димитрий, чтобы, главно,
Я тебе не пособил,
Все войска мои недавно
Специально перебил!*

*Сам лежу, едва живой!
Так обидно, что хочь вой —
Ни тебе рукой подвигать,
Ни нагрузки верховой.*

*Всюду больно, всюду гадко,
Кровь, конечно, горяча...
Высылаю (для порядка)
Даже справки от врача.*

*Почитай, с того уж свету
Стогну, скрюченный в дугу:
И приехать — мочи нету,
И не ехать — не могу.*

*Пожалей свою вассала —
Оклемаюсь, послужу.
Были б кости — будет сало.
Ну а, там, по дележу —*

*Мне мозги негоже пыжить.
Сам реши — тебе судить.
Ты приходишь победить,
Я же лишь пытаюсь выжить,*

*Душу чистую губя,
Даже Господу грубя.
Ведь опора мне отныне
Вера новая — в тебя!*

*А когда, оно, малешко
Усмирится голытьба —
Не забудь меня, Олежку,
Свою верного раба.*

*Ей же ей, великий мой,
Здесь тебе резон прямой.
Польза многая открыта
Ситуацией самой:*

*Дашь Олежке ярлычок —
В экономике скачок!
Вновь подымутся налоги,
Прекратится бардачок.*

*И, покорно семеня,
Для тебя (и для меня)
Снова Русь пойдёт в упряжке,
Заменяючи коня!*

*Всё подвластно воле рока —
Ждёт нас всех удача! Да,
Целься, главное, в Боброка!
Будет жив — тогда беда.*

*Так, что выисчи стрелка.
Всё, до скорого. Пока!*

P. S.

*Коли всё пройдёт нормально,
Жду покорно ярлыка...*

А Боброк-то где? У Оки сидит,
Со хоробрым Володимер Андреичем.
Оба добрые вояки бывалые,
Сборы правят, да дружины подсчитывают.

А дружин у них — двести лет считать —
Полный город, да окрути широкие.
Подоспел народ ото всей Руси
На сурова на врага басурманского.

Над Коломной расписной
Сизый дым стоит стеной.
Варят, жарят коломейцы,
Угощают люд честной.

Всем, кому не жизнь раба,
Русь свободная любя,
Хлебосольная Коломна
Отворяет погреба.

Нонче нет в отдаче срама —
Не под гнётом отдаёшь.
Ноне врагу — ни грамма,
А друзьям — да сколько хошь.

Среди шума, гама, ора
Рог походный зазвучал.
Заезжал Димитрий в город,
А Боброк его встречал.

Поклонился, улыбнулся,
Придержал в узде коня.
Слез Димитрий, потянулся,
Буйну кровь ослабоня.

Дмитрий: Ну, здорово, что ли, тёзка,
Дай, обнимемся хотя.
Как-то встал ты, брат, неброско,
Чуть не нос отворотя.

Что невесел, воевода,
Отчего печаль в глазах?
Аль народа — меньше взвода,
Али мы — не при тузах?

Так ведь вон они, войска!
В них народу, как песка.
Да и люди всё какие!
Отчего ж тогда тоска?

Боброк: Всё могло бы быть и глаже.
Да уж, стало быть, как есть.
Не на всех посмотришь, княже,
Кой кого не будет здесь.

Нету воинства тверского,
Нет рязанских молодцов.
Ну а так — из даже Пскова,
Почитай, со всех концов,

Кто с дубьём, кто с вострой пикой,
Кто и просто с кулаком,
Ото всей Руси великой
Полк подходит за полком.

От литовского стола,
Не попомнившие зла,
Есть и Полоцкий и Брянский,
Во какие, князь, дела!

И ещё ведь прибывают,
И не только из Руси.
Ну а те — не поспевают,
Почему? — поди, спроси!

Не прошёл ли кто по лужам,
К стулу задницей прилип?
И без них, конечно, сдюжим.
Но — обидно! Помогли б.

Дмитрий: Не успели? Да едва ли.
Тут до всех — подать рукой!
Нешто просто наплевали?
Или умысел какой?

Али нету просто веры,
Чтобы просто доверять?
Али есть такие меры,
Чтоб измену замерять?

Кто не внемлет зову крови,
Всем воздастся по счетам!
Не можете хмурить брови.
Нет — и нет, чего уж там!

Боле ждать уже не будем,
Ничему не огорчась.
Подавай команду людям —
Выступаем сей же час!

Поскрипим ещё, доколе
Не взяла кольчугу ржа.
Встретим гостя в чистом поле,
У донского рубежа.

Поутру, бурлящей лавой,
Сжав покрепше кулаки,
Кто — за смертью, кто — за славой,
Вышли наши мужики!

Словно самый быстрый вестник
Разлила мотив простой
Широта походной песни
По-над степи широтой.

**Песня — ветер! Не отсюда-ль
В русской песне строевой
Вперемежку — свист да удаль,
Да унылый мерный вой?**

**Птица птице вторит ором.
Кто ответит — почему
Петь дано и врозь и хором
Человеку одному?**

**Петь, толкая души в небо
Из натруженных грудин.
Не единым только хлебом
Сотня сотен — как один!**

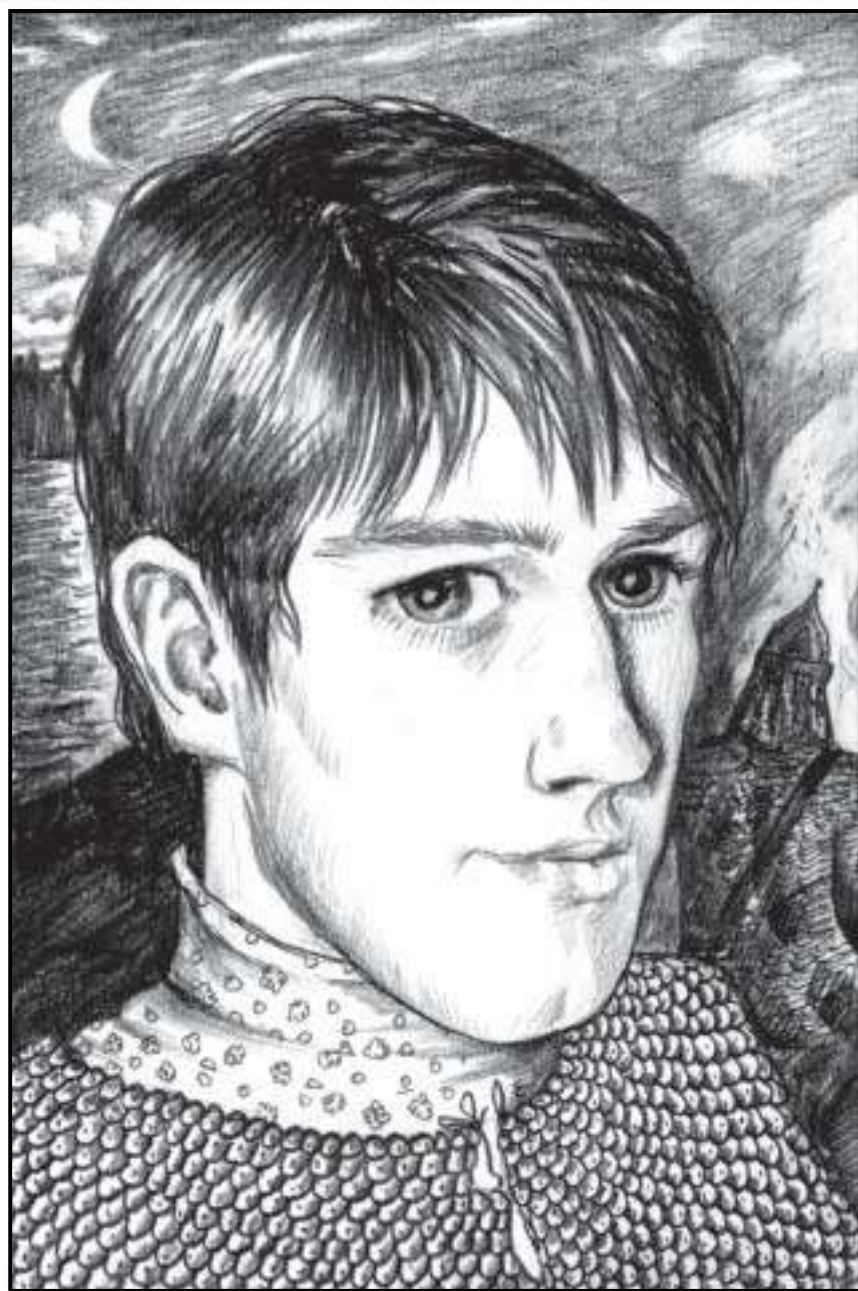
Кто подхватит, кто собьётся,
Глядь — уже порог донской.
До Мамаёв застаётся
Почитай, подать рукой.

Переправились, старались,
За собой рубя мосты.
Еле-еле разобрались,
А уж сумерки густы.

Засыпает междуречье,
Чуть бормочут камыши,
Кое-где обрывки речи
Растворяются в тиши.

Доля, долюшка людская —
От юнца и до конца.
Успокой, вода донская
Перед боем молодца.

Дай умыться, дай напиться
Силой предков, укрепиться.
Нашепчи слова свои,
Или просто напои.

Ночь последняя пред боем,
Свет луны, журчит река.
Спят, объятые покоем,
Утомлённые войска.

Князь-Димитрию не спится.
Ох, морока из морок.
Подошёл воды напиться,
У воды лежал Боброк.

Дмитрий: Небо — вместо покрывала,
И сыра земля — кровать.
Нам бы, помнишь, как бывало,
Хорошо б потолковать.

Эх, Боброк, душа из стали,
Муж родной моей сестры.
Как же мы с тобой мечтали,
Как болтали до поры.

Боброк: Знаю я твоё общение —
Ночь проходит, словно миг.
Спать когда, прошу прощенья?
Ладно, слушай напрямик.

Я уже ходил дотолё
На ничейную межу.
Ветер спрашивал и поле,
Но, что вызнал — не скажу.

Не пытай меня, Димитрий,
Не старайся наседать.
Тот ответ уж больно хитрый,
Самому бы разгадать.

Что шептали, что кричали
Мне ветра мои седы?
Ни веселья, ни печали,
Ни удачи, ни беды,

Каждодневное и диво —
Всё смешается в одно!
Живы будем — и не живы.
Так вот определено!

Дмитрий: Просветил — вот это да!
 Не затратимши труда.
 На душе и так хреново,
 Плюс — твоя белиберда!

Боброк: Сколь был вечер ни хренов,
 В новом дне — и воздух нов.
 Поживём, старшой, увидим.
 Ну, ступай, спокойных снов...

Извиняюсь за повторы —
Невозможно преминуть.
Был ещё один, который
Всё никак не мог уснуть.

Хан Щелкан, невольник чести,
Всё подумывал о мести,
И поглаживал слегка
Зад, расцветший от пинка.

Он им завтра (ничего!)
Растолкует, каково
Не спросясь соизволения,
Всем подряд пинать его!

Распалив воображение,
Сам себя подзачинал:
Вот ты выиграл сражение,
Вот — погоня, вот — финал!

Злой, израненный, хромая,
После боя, весь в грязи,
Ты идёшь к шатру Мамая...
Плохо! Лучше подползи!

Как же здорово, о Боги!
Всё как-будто наяву!
Ты швыряешь хану в ноги
Князя Дмитрия главу!

Вот тебе награды дарят.
Не стесняйся — заслужил.
Вот тебя (года не старят!)
Рой наложниц окружил!

Вот ты признанным героем
Лошадь плёткой хлобыстнул,
И понёсся перед строем...
И не понял, как уснул...

А, когда уж оба строя
Опирались на мечи,
И старались, матом кроя,
Друга дружку хохмачи,

И вот-вот уже начнутся
Настоящие бои,
Всё же смог Щелкан очнуться
И оставить сны свои!

Щелкан:

Скоро будут наступать!
Это ж надо — так проспать!
Сколько можно ветерану
Нервы старые трепать!

Светлый хан, не поминайте
Лихом верного слугу!
Без меня не начинайте,
Я бегу уже, бегу!

Я уже напялил тапки!
Стоп! А шапка? Так, без шапки!
Где?! Коня сюда, живей,
Подобающих кровей!

Сабля где? Давай без ножен!
Щит несите — мне положен!
Начинается возня!
Отойдите от коня!

Пошивеливайся, кляча!
Всем задам, тебе — тем паче!
Вот подсунули осла —
Три копыта, два мосла!

Ну-ка, фрязи, расступитесь,
Понабрали вас в наём!
Вдруг, один смышлёный витязь
Ткнул коню под зад копьём!

Взмыл на мерине на квёлом
Престарелый инвалид.
Грива — дыбом, шкура — колом,
Отовсюда пар валит!

Аж до белого каленья!
А ведь разве не мычал.
Потерявши управленье,
Хан затравленно молчал!

Только выдавил: «Хватайте!»
— Вон, у русских попроси!
И помчал, совсем некстати
В направлении Руси!...

Дмитрий:

Гля, а этот-то куды
Мастер каверзной езды!
И несётся, главное дело,
Будто годы молодые!

И чего же это значит?
Не осёкся, не свернул.
Так, глядишь, до нас доскачет!
Оп! Чуть-чуть не дотянул.

Метров тридцать не хватило,
Словно кончился запал,
Словно что его скрутило —
Сковырнулся и упал!

Прок:

Дай-кось, что-ли, погляжу,
Разузнаю, что за жук.
У кого, как говорится,
Не хватило терпежу?

Приземлисси, хошь не хошь,
Сколь высоко не взовьёшь.
Это ж, хлопчики, Щелкаша!
Ну и ну, едрёна вошь!

Фрол: Напустили старика
Против цельного полка.
Знамо дело, для такого
У него кишка тонка!

Прок: Веселись или строжись,
Всё одно — не вечна жись.
Этот всё. Уже приехал.
У него того, кажись.

Дмитрий: Эй, Мамай, тудыть те в бок,
Ну, куды ж глядел ваш бог?
Что ж ты, хренов полководец,
Посвежей найти не мог?

— Что халявишь, чудо-юдо?
— Выдвигай богатыря! —
Закричали отовсюда.
И, похоже, всё же, зря.

Вражки толпы отворило.
Под истошный дикий вой
Выпускают гомадрилла
В полной сбруе боевой.

Кулаки — как две коровы,
Дом построишь на плече,
Шея — нет чтобы здорова —
Шеи нету вообще!

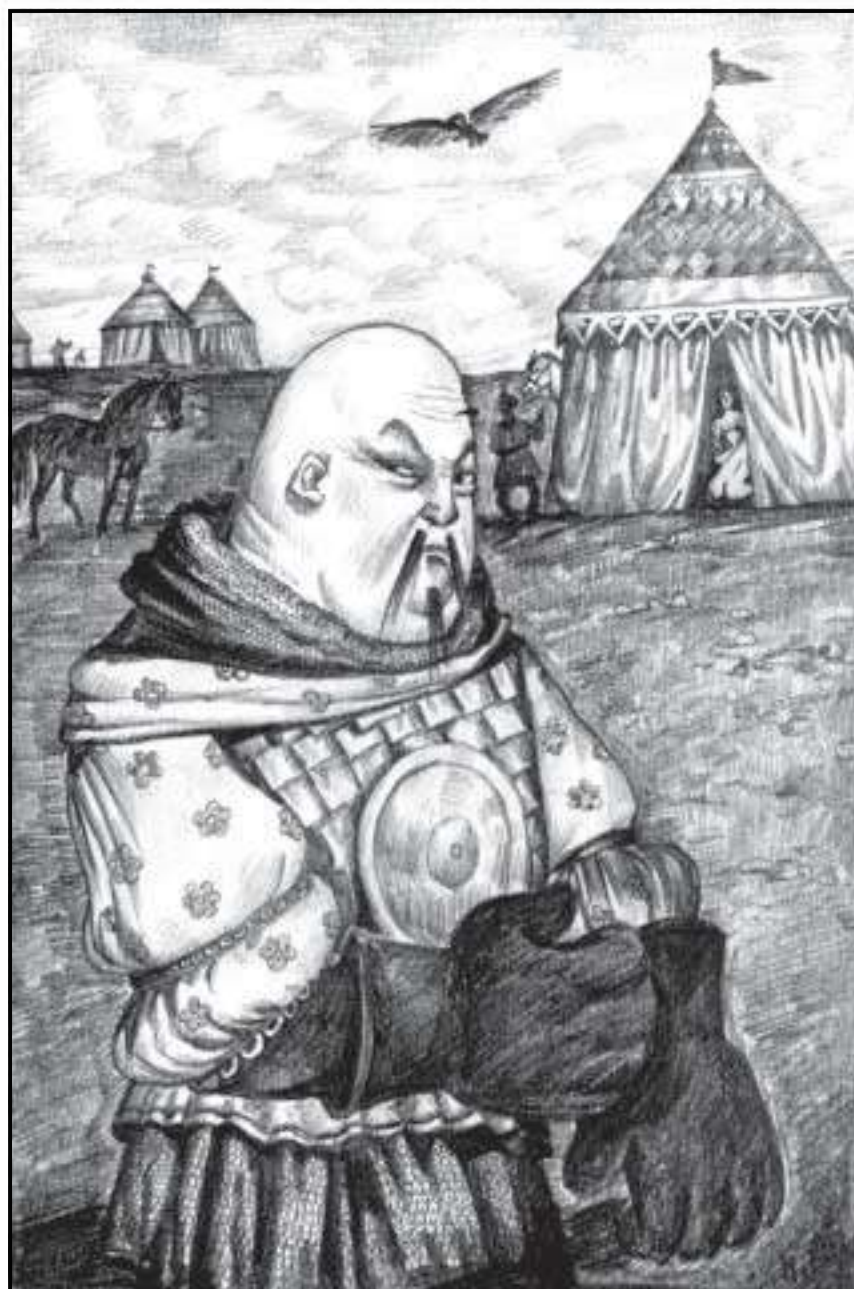
Вес и рост не объявляю —
Как ни скажешь — всё не то!
Мол, любому наваляю,
А и дёрнется ли кто?

Мамай:

Мой улусник не обижен?
Самолично выбирал!
Подойди к нему поближе —
Про такого ты орал?

Кто ж у вас-то, я гадаю,
Ситуацию спасёт?
Я таких не наблюдаю.
Может, ветер принесёт?

Да и то, чтоб ровня вышел,
А не хилый мальчуган,
Нужен ветер, ну не тише,
Чем могучий ураган!

Дмитрий:

Ветры, ветры, буйны ветры,
Силу гордую храня,
Хочь сегодня, хочь ретро —
Не подвластны моде дня!

Не измеришь мелким метром,
Сколь ты мерку не сымай!
А каким, скажи-ка, ветром
Принесло тебя, Мамай?

Вот стоишь ты, враг хвалёный,
Во полутора верстах,
Исказя портрет холёный
Злой усмешкой на устах!

И считаешь ты, выходит,
Что до смерти нас потряс?
По гостям не эдак ходят,
А для ссоры — в самый раз!

Супротив твоего гориллы
Мы найдём у нас ответ!

Кто??? И эхо повторило
Инок... схимник... Пересвет!

Грозно выехал из строя
Богатырь величиной.
Поклонился людям втрое —
Поддержи, народ честной!

Двум смертям, как говорится,
Не случиться. Выйду я!
Знать, черёд мне — первым биться
За товарищи своя!

Молодым ты, али старым
Входишь в вечный упокой,
Прожил жизнь свою задаром —
Сгинешь в памяти людской.

Даже мять водичку в ступке
Можно очень делово!
Жил, к примеру скажем, Пупкин
Для себя для одного —

Сколь бы громко ни блажил,
Сколь ни рвал на шее жил
Этот самый, скажем, Пупкин —
Словно вовсе и не жил!

Сразу сгинет, сразу канет,
И забудут с пол-пинка!
А кого ж добром помянет
Наш народ через века?

Тьмы историков учёных —
Доктора, профессора
В линз оправках золочёных,
Вынимают нагора

Разных «лидеров», «героев».
Проходимцев и жлобов
Неказисто, но пристроив
Под народную любовь!

Обоснуют и докажут,
Вскроют, сделают замер.
А народ вернее скажет.
Вот, пожалуйста, пример:

Хоть по тысяча второй
Все анналы перерой —
Нетуть в русском староречье
Выражения «герой»!

Лизоблюды в чистом виде
Сыплют импортным словцом.
Кто такой, опять же, «лидер»?
Человек с каким лицом?

Объясни, учёный книжник,
Коли хватит словесей!
У Руси Великой всей
Нечто большее — подвижник.

Он для многих поколений
Попечитель паевых,
Выразитель устремлений
Миллионов душ живых.

Громких фраз не извергая,
Не имея мышц стальных,
Но лишь в сердце подвигая
И себя и остальных,

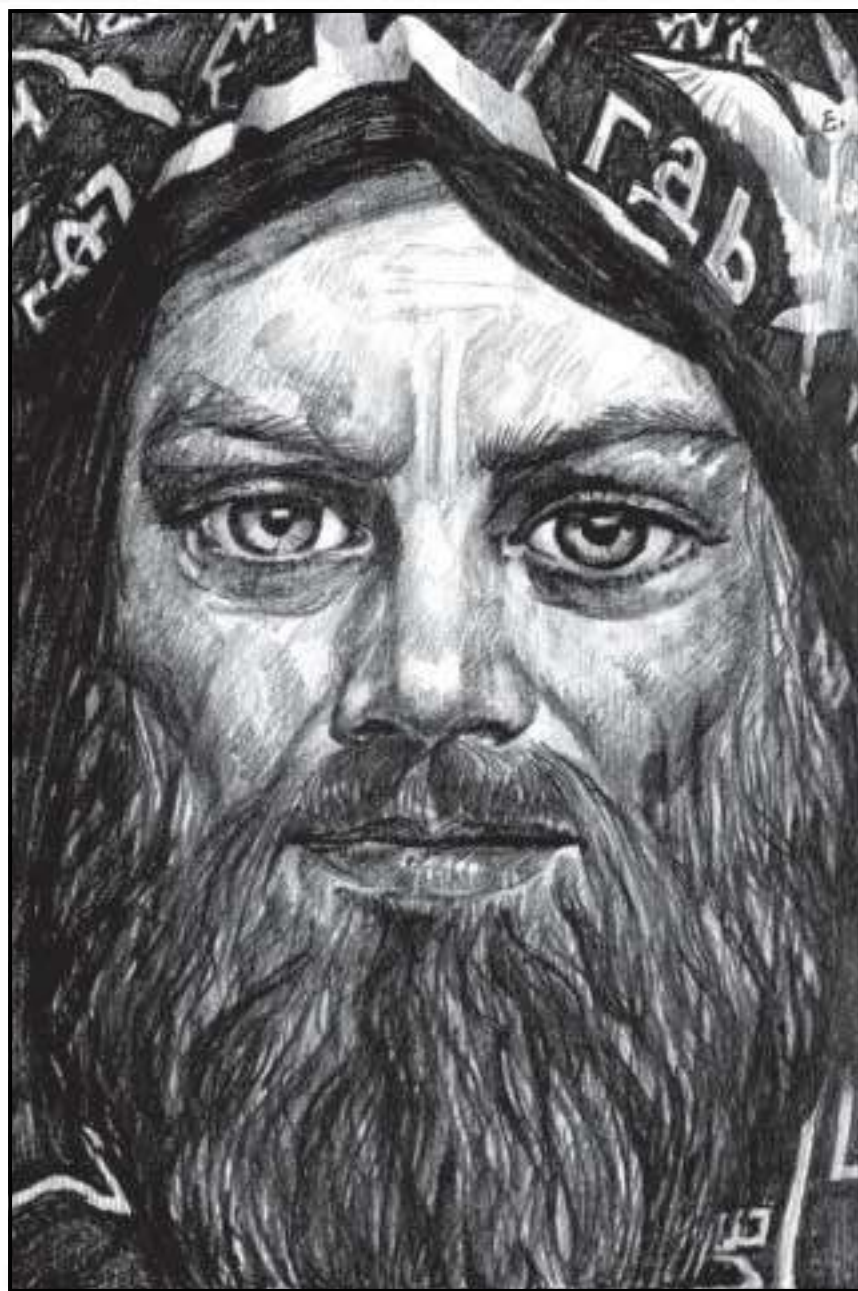
Сам всему расставит сроки,
Не ровнясь ни на кого.
Оттого и одинокий
Зачастую путь его.

Но таких, безвестных вроде,
Берегут из рода в род.
Сколь подвижников в народе,
Столь и крепок тот народ!

Дух непознанных традиций
Зажигает в душах свет...

Потому и вышел биться
С Челубеем Пересвет.

Он — могучий боец на гнедом скакуне.
Я спокойно решил: эта битва — по мне!
Князь меня не просил и не мог приказать,
Но ведь надо кому-то его наказать.

Он стоит, изголяется, глотку дерёт.
Я чуть тронул коня и подался вперёд.
Я по жизни молчун, мне двух слов не связать,
Но ведь кто-то же должен его наказать.

Приумолкли полки. Я люблю тишину.
Я из иночье кельи ушёл на войну.
Приучил к тишине монастырский Устав.
Даже он замолчал, от натуги устав.

Изумлённо направив вниманье своё
На угрюмую схиму, большое копьё,
Всё глядит и не может понять до конца
Ни размеры, ни рост, ни повадки бойца.

Он, я вижу, решает — стоит, не орёт.
Вдруг опомнился, гикнул и ринул вперёд.
Я в открытое сердце молитву впустил,
С чем-то близким простился, кого-то простил.

И тот час меня дрожь проняла, затрясла,
Сила Божья взяла, подняла, понесла,
Безответно маня, укрепляя, храня,
Наполняя меня, растворяя меня.

Я тогда был везде, только со стороны,
Я свой бой наблюдал и как все, со спины
И на быстром коне оставаясь сидеть,
Я как-будто по-разному смог разглядеть,

Как копьё моё плавно, весомо и зло
В распалённое сильное сердце вошло.
Как он рыкнул, скривился и рухнул с коня,
Искрой тусклой в глазах напоследок виня.

Но мой панцирь надёжный, живая броня,
Защищавший меня и давивший меня,
Вдруг раскрылся и канул в высокой траве.
Кто его расколол — так ли важен ответ?

Враг коварный, когда свой удар наносил?
Или сам, изнутри, напряжением сил?
Значит, вера крепка — я не дрогнул, я смог!
Отче Сергей молящий, храни тебя Бог!

И уж если кому-то погибнуть в бою,
Испроси им легко выпить чашу сию!
Прочь, грехи неподъёмные, что накопил!
Знаю точно — своё я сейчас искупил!

Я взлетел к облакам и смотрел под собой.
Там, внизу, разгорался невиданный бой —
Многозубая битва, кровавый вампир,
На ковре Куликовом устроила пир.

Пир злодея безумного, пир палача.
Развалившись в траве и утробно урча,
Отдывалась, стонала, что поле мало,
И сверкала бронёй многоглазо и зло!

Две огромные челюсти хищных резцов,
Белоснежных, отточенных остро клыков,
Раздирали, кусали, кромсали бойцов
На куски — целиком, на куски от кусков!

Две махины могучие — Русь и Орда.
Пусть одна — велика, да другая — горда.
Словно тучи громоздкие гулко сошлись,
И дождями живыми на землю лились.

Задыхаясь, бойцы не сошли ни на пядь,
Иступлённо теснили противника вспять,
То вперёд, то обратно — на каждом шагу,
Не желая ни в чём поддаваться врагу.

А в минуте от боя, по левой руке,
Неприметная роща спускалась к реке.
Там, под тенью берёз, за зелёной стеной,
Укрывался до времени полк запасной,

Безучастно взирая на бой впереди.
У бывалых вояк закипало в груди —
Воевода, не медли, пора уж, води!
Но шептал им Боброк: «Погоди, осади.

Я у ветра примету изведаль вчера.
Мне всегда помогают седые ветра.
Мы достанем клинки и помчим на «ура»,
Вот изменится ветер — тогда и пора!»

А стихия таила условный сигнал.
А уж ворог славян под себя подминал.
Побеждал, и числом превышая вдвойне,
И удача витала на их стороне.

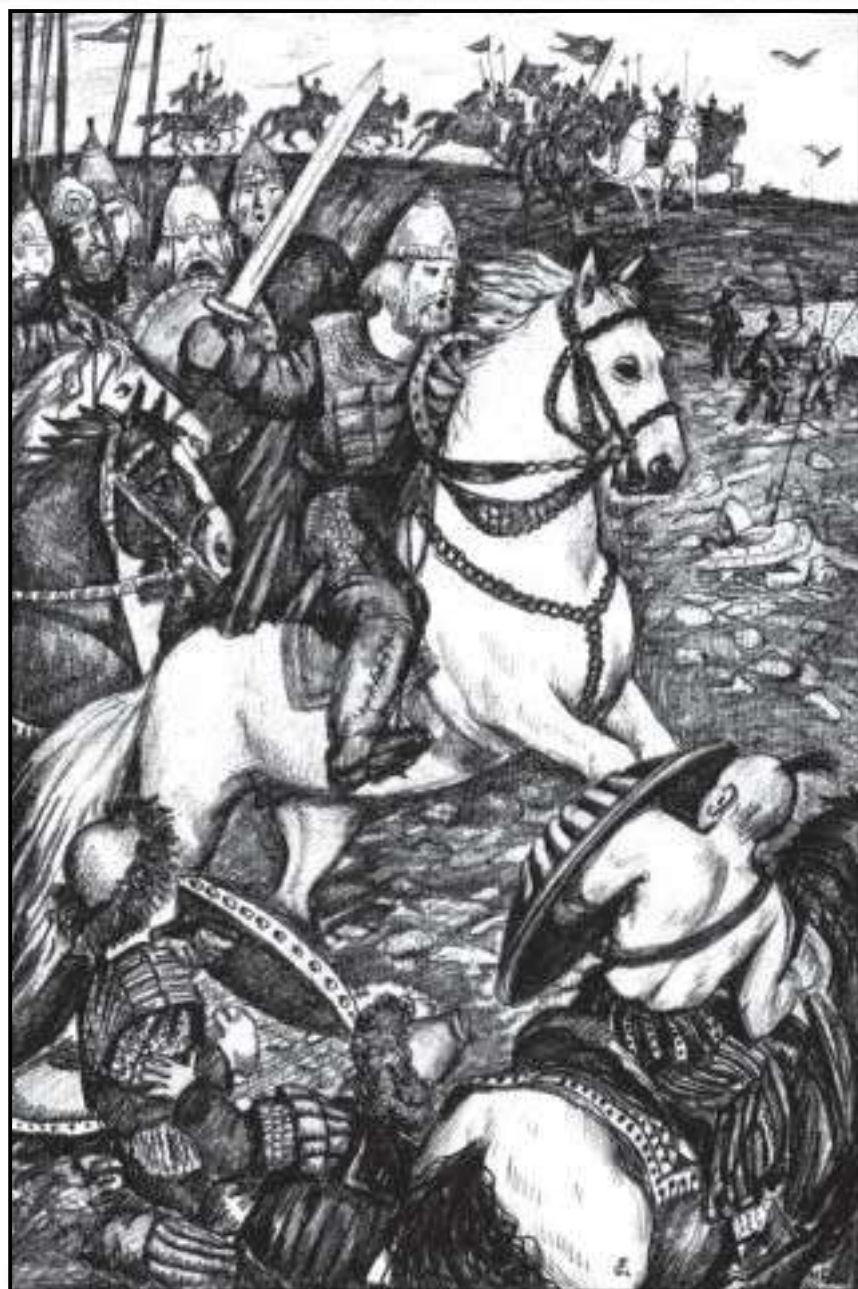
Утомлённая матица русских полков
Шаг за шагом сдавала, держа степняков,
Отступала к Непрядве, туда, где вода.
Назревал перелом, надвигалась беда!

Завизжали монголы, вошедшие в раж!
Распрявился Мамай, и ослабился аж.
И как-будто в огне, искривилась щека,
Под ухмылкой великого временщика.

Но когда он шутил в окруженьи вельмож,
Я шепнул ему в ухо — не горькую ль пьёшь?
Вдруг наполненный кубок качнулся в руке —
То ли он услышал, то ль узрел вдалеке?

Он узрел! Нет, учуял — закрылись силки!
Уж из рощи неслись запасные полки,
И в горниле лихой боевой кутерьмы
Полегли без остатка сильнейшие тьмы!

Я увидел в нём страх! Скулы цвета земли!
Его ноги, дрожа, стремяна не нашли.
Конь измученный в степи унёс упыря,
И Чингиз хохотал, в преисподней горя!

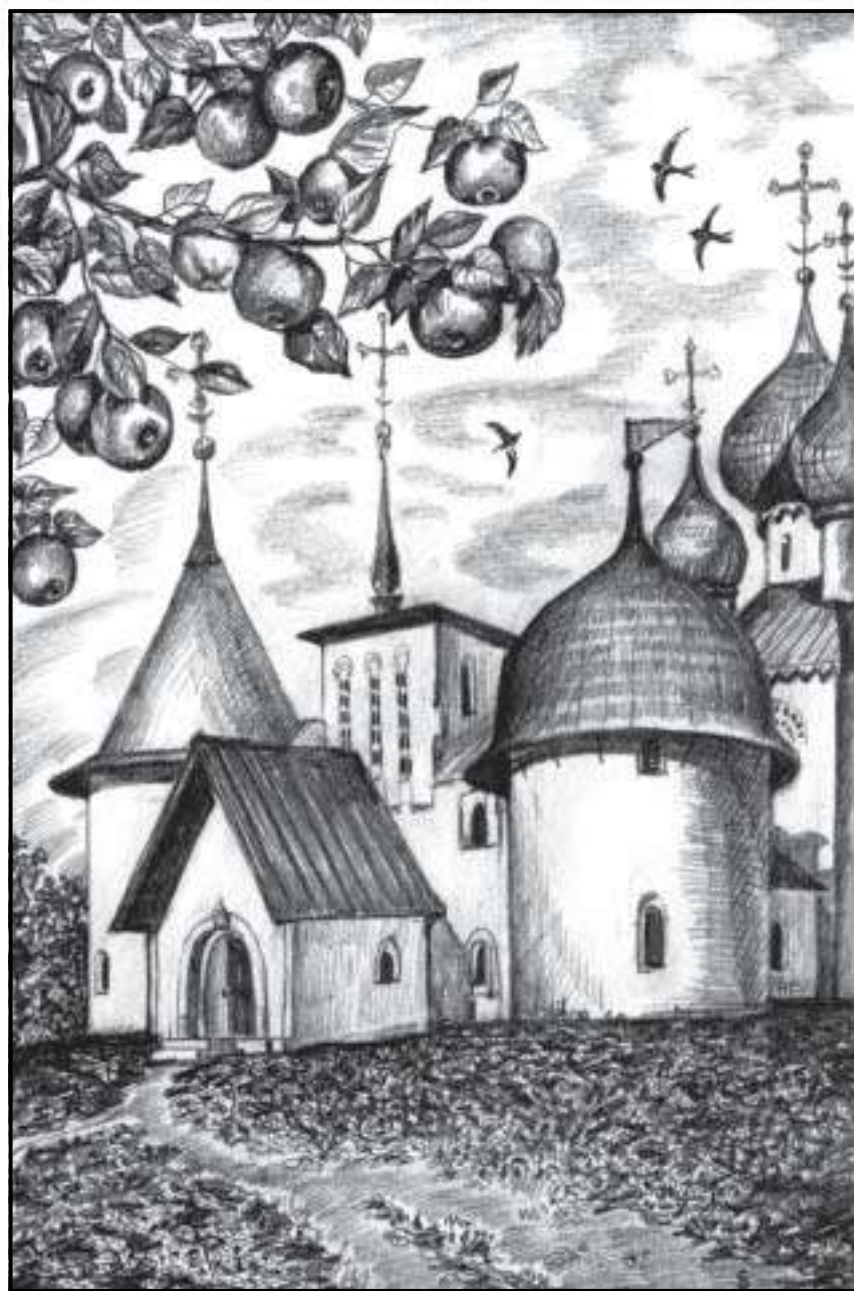
Только бой не утих, и не стало легко.
До победы ещё далеко, далеко.
Только б выдержать, сдюжить — уж силы равны!
Но и враг за так не покажет спины!

Замутнело чело. Всё свело, повело,
Даже просто стоять — тяжело, тяжело.
Рано ноги жалеть, рано пальцам дрожать —
Победить, одолеть, пережить, пережать!

Души тех, кто погиб, тех, кто в битве сгорел,
Заслоняли живых от мечей и от стрел,
Обескровленным ратникам силу двоя,
Чтобы жить — за себя, и за други своя!

Что ещё вам сказать? Как платили с лихвой?
Как нас жёны искали — живой, неживой?
То ли красный **надень** — то ли чёрный **надень**?
Иль как нас хоронили — неделю да **день**?

Как победа сладка! Как цена — велика!
В каждом русском полку — половина полка.
Но на вечные годы потомкам еси
Время Купли, Купели и Славы Руси!

МОЛИТВА О БЛАГОСТОЯНИИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

О, Многомилостиве Господи, всякаго добра Подателю, Человеколюбче, Царю Божественныя и несказанныя славы, Отче и Сыне, и Святыи Душе, едины в Троице славимый Боже, Творче небесе и земли, всего видимаго и невидимаго Создателю и всего мира Строителю! Благодарим Тя, яко не презрел еси нас, создания Своего, християнскаго рода, и достояния Своего, Московскаго Государства, и аще наказал еси ны за умножение грех наших многими войнами и пленением, и междоусобными бранями, обаче от толиких великих бед избавил ны еси премногим Своим милосердием и человеколюбием, простивый наша многия грехи и до конца погубити создания Твоего не восхотевый, даровавый нам вспоможение и укрепление противу разорителей наших и врагов Московскаго Государства, ос-

кверняющих святую православную христианскую веру, противу поляков и литовцев, и многих бунтовщиков, и Отечество наше от всяких бед свободивый, и Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя, и праведнаго, и рассудительнаго нам даровавый!

Сице и ныне смиренно молим Тя, Владыко Пресвятый: не помяни наших беззаконий первых, но и в предняя лета выну нас избавляй от нашествия иноплемennых поганских или агарянских, или латинских ратей, такоже от глада, мора и губительных язвы, и даждь крепость Царем нашим, и вознеси рог Помазанников Твоих, и николиже попусти Государству Московскому неуправлену пребыти, междуособиями и смутами раздираему, от всякаго разорения и запустения соблюди, и веру святую Православную нерушиму в нем утверди, да выну славится в русских людех пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков!

Аминь.

Литературно-художественное издание

ДМИТРИЙ ОБРАЗЦОВ

СКАЗАНИЕ КУЛИКОВСКОЕ

ХУДОЖНИК — ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ ЕЛЕНА

Оригинал-макет подготовлен к печати
издательством «Лепта-пресс»

© Д. Образцов, 2001
© Д. Образцов, иллюстрации, оформление 2001
© «Лепта-пресс», оригинал-макет, 2001

Тираж

Издаётся при поддержке Фонда поддержки
развития общества «Наши Дети»

Тел.: +7 (495) 781-37-09

Типография «Московский Печатный Двор»
107023, г. Москва, Семеновский переулок, дом.15
Ролевая и листовая офсетная печать.

8-916-343-74-12
bili-c@yandex.ru